

Симо Риксни

**ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
ГЛОБАЛЬНОГО ПЕРЕЛОМА**

Отчет космонавта-социолога

Риксни С.

Р 50 Цивилизация Земли в период первой волны глобального перелома:

Отчёт космонавта-социолога.— СПб. : Макет, 1995. — 113 с.

ISBN 5-85186-034-0

Работа, представляемая на суд читателей и критиков, вряд ли может быть отнесена к какому-либо из существующих жанров. Любитель научной фантастики будет, скорее всего, разочарован в своих ожиданиях. Учёный-обществовед, возможно, останется в недоумении, столкнувшись с явным отступлением от привычных канонизованного изложения научного материала.

И все же перед вами — научный труд, каждое положение которого выверено автором с математической точностью. В работе нет ничего лишнего. Все имена и названия несут определённую смысловую нагрузку. Если вы будете внимательны, то в Преове́йском архипелаге увидите аналог Европы, а в Перимии или Рамгении — двойников России и Германии. Разумеется, дело не только в перестановке букв. Из переплетения земного и ветианского вырастает концепция общественного развития, содержащая не один десяток теоретических новинок.

Что касается стиля Симо Риксни, его терминологии и аргументации, иногда они выглядят слишком земными. Возможно, это объясняется тем, что составитель Отчёта настолько сроднился с Землёй, что не мог не использовать языка жителей Голубой планеты. Не исключено, что, работая над Отчётом, автор надеялся или даже рассчитывал, что документ попадёт в руки землян. А, может быть, одинаковые вещи, несмотря на разделяющую их толщу пространства, могут быть описаны только одними и теми же словами?

Выводы, сделанные в Отчёте, вероятно, заинтересуют как обществоведов-профессионалов, так и тех, кто небезразличен к теории истории, кто вдумчив, критичен и любознателен.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Документ, который предлагается вашему вниманию, настолько необычен, что мы считаем необходимым сообщить все подробности его получения. Впрочем, их не так уж и много.

В издательстве был приёмный день. Точнее, день только начинался. День, каких мы перевидали уже немало, одним словом, рядовой. Только дождь лил невероятный. Косые струи упруго били по стёклам. Вода каким-то образом проникала сквозь щели, капала с подоконника. От окна к двери под расставленными для просушки зонтами протянулся тоненький ручеёк. Текло с зонтов, с плащей, с сумок. В общем, потоп да и только.

В такую погоду самый назойливый автор из дома носа не высунет.

Что нам оставалось делать? Конечно, выпить по чашечке кофе. Почти в центре нашей большой редакционной комнаты стоит массивный круглый стол. Только мы запихали под него масляный радиатор, только протянули к его теплу изрядно промокшие ноги, только приготовились взять по кусочку торта «Сюрприз», который прямо в коробке резал зам. главного редактора, как что-то произошло.

Сначала мы не поняли, что случилось. Но что-то, несомненно, резко переменялось. Иначе аккуратнейший зам не положил бы весь облепленный вафельно-кремовыми крошками нож на старенькую, но чистую скатерть. Только потом мы сообразили, что внезапно стало тихо и светло: дождь мгновенно прекратился, и на наш стол из окна (у нас верхняя часть окна овальной формы) прямо-таки вывалился ослепительный цилиндр солнечного света.

Но нам некогда было анализировать, потому что вместе с тишиной

и светом раздался стук, дверь отворилась и в комнату вошёл человек. К нам каждый день без всякого стука заходят десятки людей. Но тут мы остолбенели. Наверное, не потому, что человек был совершенно сухой, и у него не было зонта. Что-то в его появлении было загадочное, даже чудесное. Хотя, человек как человек, постучал и вошёл, приветливо поздоровался.

Надо сказать, что наш зам не только сама аккуратность. Он вообще человек без изъянов: собранный, находчивый, обходительный. Но сейчас его как будто подменили. Он зачем-то взял со стола нож и с ножом, в носках, как-то боком стал перемещаться навстречу посетителю. Тот нисколько не смутился. Внимательно посмотрел на приближающегося зама и спокойно, с едва уловимым акцентом, обращаясь ко всем, сказал: «Может быть, вас заинтересует этот документ». В руках у него появилась пластиковая папка. Все молчали. Человек немного подождал, слегка улыбнулся, кивнул, даже не головой, а одними глазами, повернулся, направился к двери и растворился в темноте коридора.

Мы буквально физически ощутили, как наваждение вытягивается вслед за ним. Сразу пять рук спикировали на коробку с тортом. Зам, чертыхаясь, шлёпал в носках к столу по мокрому полу. В одной руке он держал нож, в другой – папку.

Сквозь полупрозрачный пластик он пытался прочитать название. Это был какой-то отчёт. Автор – космонавт с неизвестной фамилией. Наверное, ещё не летал. Ни адреса, ни телефона на титульном листе не было. Не оказалось их и в конце отчёта.

Все это выяснилось секунд за десять. Зам был уже в своих рыжих полуботинках и знал, что надо делать. Он решительно подошёл к окну, рванул на себя фрамугу, высунулся по пояс. Он был уверен, что посетитель сейчас выйдет из подъезда.

Мы тоже подошли к окну. Наискосок направо, метрах в 60-ти от издательства – трамвайная остановка. Перед стоящим трамваем на светофоре зажегся зелёный свет, двери стали плавно закрываться. Как

потом выяснилось, все мы почему-то смотрели на среднюю дверь первого вагона. И прежде чем она закрылась, мы увидели на площадке нашего посетителя. Кажется, он даже махнул нам рукой. Трамвай тронулся, изогнулся дугой и скрылся за поворотом.

Опять хлынул ливень. Зама чуть не смыло на улицу. Абсолютно мокрого мы втащили его в комнату.

Бывает же такое. Вроде бы ничего особенного: капризы погоды да посетитель. Лет тридцати с небольшим, в серой куртке, свитере, джинсах, кроссовках. Но во всем этом была какая-то загадка.

В папке лежали листы из тончайшего белоснежного материала. Мы, бумажные души, обратили внимание прежде всего на это. Должны признаться, что в порыве любознательности мы не ограничились простым ощупыванием. Мы пытались их надорвать, надрезать ножницами, проколоть шилом, даже пробовали поджечь краешек. Листам все было нипочём. Как малые дети, мы придумывали новые испытания. Безрезультатно. Листы не мялись, не пропускали свет, текст темно-синего цвета не стирался, ничем не соскабливался и даже не замазывался.

Тогда кому-то в голову пришла мысль испытать на этих волшебных листах новый японский сканер. Его только вчера привезли в издательство и, надо же, из-за какого-то дождя, нелетавшего космонавта и неуничтожимых листов мы напрочь забыли о вещи, приобрести которую мечтали несколько лет.

Сканер победил листы. Информация перетекала на дискету, мы попивали кофе, подтрунивали над замом и восхищались красивой морской игрушкой.

Развязка наступила сразу же после того, как мы закончили со сканированием.

Листы, небрежно сложенные около компьютера, вдруг стали меняться в цвете. По ним как будто бы гуляла радуга. Они слегка шевелились, хотя, возможно, нам это только показалось. А затем, перели-

ваясь и мерцая, стали таять. Через минуту-другую они полностью исчезли. В воздухе ощущался лёгкий запах медицинского кабинета да стол был чуть тёплым.

Мы бросились к дисплею. Только теперь до нас дошло, что информация, обладателями которой мы стали и которой едва не лишились, может быть исключительно важной.

И вот на экране – титульный лист. В правом верхнем углу надпись: «В Большой Совет Сообщества Веты», в центре – «Отчёт космонавта-социолога Девятой дальней экспедиции Симо Риксни». Чуть ниже – шрифтом помельче – «Цивилизация Земли в период первой волны глобального перелома». Внизу дата – 4828/1994.

Следующий лист – почему-то сразу третий, за ним – четвёртый, пятый, шестой... Выхватываем абзацы. Речь идёт об известных событиях, встречаются знакомые имена, названия. Но комментарии, аргументация, выводы привлекают строгостью, убедительностью, новизной. Иногда земным событиям проводятся ветианские параллели.

Позже мы не раз, и уже не наспех, перечитывали распечатки этого отчёта. И каждый раз открывали там для себя что-либо новое. Но не будем говорить о содержании отчёта. Читатель сейчас сам углубится в текст.

К сожалению, первого и второго листов на дискете не оказалось. То ли мы пропустили их при сканировании, то ли их вообще не было в папке.

Что на них, навряд ли мы узнаем. Может быть, там были какие-то сведения о планете Вета, об экспедиции, её целях, составе. Вопросов множество. Когда экспедиция прибыла на Землю, где расположена её база? Отправилась ли она в обратный путь? Или ветианцы всё ещё среди нас? А может быть, к нам приходил сам Симо Риксни? Наша машинистка, очень наблюдательная девушка, утверждает, что в коридоре загадочный посетитель следов не оставил. А ведь в комнате не было сухого места. И вот что ещё интересно: в этот приёмный день к нам больше никто не приходил.

Единственное вещественное свидетельство этого неординарного визита – пластиковая папка. Она хранится в сейфе главного редактора. Правда, на ней изображён всем нам хорошо знакомый кораблик. Невероятно, чтобы на Вете было такое же Адмиралтейство.

Однако, доказательство неземного происхождения отчёта у нас все-таки есть. Это – сам текст.

Читайте его, думайте, сопоставляйте. Текст печатается в том виде, в котором он был получен. Единственное дополнение, на которое мы отважились, – название глав. Они заключены в квадратные скобки.

О Т Ч Ё Т

космонавта-социолога
Девятой дальней экспедиции
Симо Риксни

Цивилизация Земли в период первой волны глобального перелома

1 [ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕЛОМ]

...из эмиграции в опечатанной каюте парохода «Сиюсс». Поразительное совпадение: вождь российских революционеров Ленин прибыл со своими товарищами в охваченную революцией страну в запломбированном вагоне. Это совпадение, разумеется, чистая случайность.

Гораздо важнее остановиться на совпадениях отнюдь не случайного свойства. Правда, если совпадение вызвано какой-либо общественной потребностью или классовыми интересами, оно в силу этого уже перестаёт быть просто совпадением.

Я предполагал обнаружить определённое сходство явлений и представлений, подобие в развитии однотипных процессов. Однако, изучая этот период земной истории, я, наряду со множеством не затрагивающих существа происходящего отличий, постоянно сталкивался буквально с тем, что уже было, было у нас, на Вете.

Вы помните версию о рамгенском серебре, которую десятилетиями муссировала контрреволюция? На Земле пломба на дверях вагона стала одним из краеугольных камней аналогичного мифа. Я и раньше считал, что историческая обречённость свергаемых классов обуславливает их теоретическую беспомощность, наивность и бедность аргументации. Теперь я прихожу к выводу, что она же порождает и стандартный набор идеологических штампов. На Земле я столкнулся почти с текстуальным повторением ветианских ярлыков четырёхсотлетней давности. Здесь, как и у нас, в ходу были «денежные средства вражеской державы», «невежество масс» и «преступные козни кучки авантюристов».

Как и у нас, время на Земле не стало лекарем для «науки» уходящего мира. Спустя двенадцать лет после Октябрьской революции один из её вождей, высмеивая тех, кто считал революцию масс авантюрой, писал: «Они низводят, таким образом, к ничтожеству то, что защищают. Ибо чего стоил бы общественный строй, который можно низвергнуть «авантюрой»?».

Шли годы. Но и через 30, 50 или 70 лет после начала глобального перелома аргументация защитников старого строя сколько-нибудь заметно не обогащалась. По-прежнему идеологи буржуазного направления упорно не видели, да и не могли увидеть в силу своей классовой ориентации, объективной подкладки происходящих в мире перемен, по-прежнему искали корень зла в революционной доктрине и взваливали вину на основоположников науки об обществе.

Закономерно, что наука находит свою опору в объективном ходе вещей; наукообразное оправдание изживших себя порядков вырождается, особенно быстро в революционные эпохи, в самый примитивный и откровенный субъективизм.

На Вете наука не только противостояла идейному напору старого, не просто обслуживала объективно обусловленное движение общества. Она сыграла выдающуюся роль в его преобразовании. Мне кажется, я осознал это до конца только здесь. Трудно представить, что могло бы произойти, если б научная традиция оказалась прерванной, как это случилось на Земле. Необходимость, несомненно, пробилась бы себе дорогу. Но ценой каких жертв? Ведь у нас и так глобальный перелом был чрезвычайно затяжным, со многими приливами и отливами, с ожесточёнными войнами и колоссальными людскими потерями. До сих пор мы не знаем, сколько миллиардов жизней было уничтожено не раз применявшимся оружием массовых убийств.

Сравнивая наши условия с земными, я прихожу к выводу, что у нас такой сложный характер глобального перелома был обусловлен исключительно контрастным по уровню развития населением пла-

неты, незавершённостью предшествующего перелому цикла социальных преобразований, огромным количеством сравнительно небольших стран, раскиданных на десятках архипелагов. На старое работала и стихия. Непрерывные природные катастрофы, нарушая коммуникации, вызывали сужение локальных рынков, что, в свою очередь, вело к всплескам социальной борьбы, восстаниям, гражданским войнам, установлению реакционных режимов. Господствующие на планете страны на какое-то время превращались в колонии, слабо развитые — поднимались по шкале эксплуатации наверх, чтобы, как правило, через несколько лет, реже — десятилетий, опять оказаться на нижних ступенях иерархии последнего основанного на антагонизмах строя.

На Земле — иные стартовые условия. Перелом здесь не должен быть столь тяжёлым. Хотя крови пролито уже немало.

Третий раз мы высаживаемся на планете, озарённой светом разума. И опять, в этом я совершенно уверен, повторяется то, что произошло с участниками Второй и Четвертой экспедиций. После трагедии на Каитте мы многое переосмыслили и изменили в нашей космической стратегии. Проще всего заложил основы теории взаимоотношений цивилизаций. Отправляясь на Землю, мы прежде всего должны были помнить, что «при любых обстоятельствах контакт с некосмической цивилизацией исключён». Мы были убеждены, что нет ничего проще исполнения первого пункта Устава. Все оказалось намного сложнее. Разумеется, мы строго следуем Уставу, помним горький опыт прошлого и стремимся руководствоваться лишь наукой и рассудком. Но оказавшись на Земле, мы, как и исследователи на двух других планетах, порой теряем беспристрастие наблюдателя и помимо своей воли подпадаем под власть «феномена соучастия». Какая-то сила не позволяет нам мысленно не занимать в земных конфликтах стороны тех, кто своими действиями прокладывает путь в будущее. Мы радуемся, огорчаемся, переживаем вместе с ними.

Жители Веты давно отвыкли от крови. Что такое смерть, мы знаем

только из книг. Прогресс для нас теперь не связан со сменой поколений. Здесь все иначе. Конечно, мы знали это. На Земле мы это почувствовали. Мы перенеслись не только на Землю, но и в наше прошлое, стали ветвями далёкой и бурной переломной эпохи. В нас просыпается что-то непонятное и в то же время знакомое, близкое. Смерть, физические страдания и лишения людей из исторической абстракции преобразуются в нечто реальное.

Новое никогда не рождается без борьбы, потрясений, жертв. Таков способ развития мира. Можно ли смягчить муки рождения нового порядка? В преддверии нашего глобального перелома над решением этого вопроса бились великие умы прошлого. Несомненно, вы знаете, что думал об этом Ларк. Ему, Фрэнку, следующим поколениям учёных и революционеров удалось уловить ход истории и, что ещё важнее, на научной основе направить и организовать страсти, интересы и действия угнетённых. Иначе Вета захлебнулась бы в крови.

Средство, с помощью которого можно сократить количество жертв на Земле, в наших руках. Речь идёт не о «помощи» по каиттскому образцу. Я предлагаю обсудить вопрос о передаче землянам лишь социологической информации. Ведь Земля превосходит Каитту по уровню развития. Необходимо также учесть, что земная цивилизация уже начинает выходить из первого разряда и, следовательно, из зоны категорического запрета на контакт. Впоследствии может оказаться, что наше полное бездействие на Земле было ничем не лучше, чем массированное вмешательство на Каитте.

Пребывание на Земле в этот период её истории, трудности перелома и невзгоды землян побуждают задумываться и о нашем бытии. Мы только-только выходим за пределы общественной формы и жизни. Космическое расширение нашей цивилизации методично приближает нас к встрече с теми, кто перешагнул тот же рубеж. Когда произойдёт эта встреча? Через десятилетия, годы? А может быть, до неё остались всего лишь месяцы? Живое прошлое, с которым мы

столкнулись на Земле, напоминает: перед нами не гладкая дорога. Новое качество никогда не возникает в старых рамках. Мировой перелом размыл границы стран и слил народы. Непосредственно примыкающий к нему – более крутой и значимый – подъем должен стать повторением пройденного в космических масштабах. Никогда и никакая ломка старого, повторю ещё раз, не происходит без потерь и потрясений.

Нужно было оказаться на Земле, чтобы по-настоящему понять и почувствовать, что знания, научная традиция, организованные действия и напор реакции, трагедии, потери связаны обратной пропорцией. Мне кажется, с завершением глобального перелома мы несколько расслабились и понемногу стали забывать об этом законе поступательного движения. Земля напомнила его. Возможно, это самое крупное приобретение нашей экспедиции.

Теперь я могу перейти к описанию переломного периода земной истории, точнее, его первой волны.

К концу XIX века (у нас тогда начиналось XLVIII столетие; год на Земле практически равен ветианскому) в земном капитализме все явственнее стали проступать черты, в принципе противоречащие его «исконной» природе. В мир свободной конкуренции, вольной игры экономических сил, стихии и анархии производства сначала робко, а потом все более настойчиво, стали вторгаться чуждые капиталистическому строю новинки: элементы планирования и регулирования производства, тенденция к упорядоченности экономической жизни (насколько это возможно в обществе, основанном на собственнических отношениях), наконец, монополистические объединения.

Эти новинки никто не привносил. Но они не были и случайными. Напротив, логика функционирования строя порождала нечто с этим строем несовместимое. Капитализм естественным образом, своим саморазвитием начинал втягиваться в порядок, его отрицающий. Он переставал быть капитализмом. Под капиталистической оболочкой зародилось и начало вызревать новое, иное содержание. Человечество

вступало в весьма продолжительную эпоху перехода от капитализма к новому, более высокому общественно-экономическому укладу. Начинался глобальный перелом.

Первые революционные теоретики новой эпохи Маркс и Энгельс называли его коммунистической революцией.

К этому времени капитализм, по природе чуждый замкнутости и всякой ограниченности, в своей экономической экспансии достиг границ, дальше которых расширение было уже невозможно. Он охватил собою весь мир, все человечество. На Земле образовался мировой рынок. Платой за это стала утрата такой сущностной характеристики капитализма, как необходимость непрерывно расширяться.

Оформление капитализма как мировой системы, с одной стороны, и появление и развитие в его тканях чужеродных клеток (монополии, регулирование и т.п.), с другой, пришлось на одно и то же время. Разумеется, в этом не было совпадения. В развитии любого явления имеют место две определённым образом взаимоувязанные стороны. Капитализм шёл к нарушению своего качества, к утрате сущности посредством количественных изменений: через расширение внутреннего рынка – к преодолению национальной узости и выходу на мировые просторы, к естественному рубежу своего расширения (а где преграда, остановка, тем более, рубеж, там в конечном счёте и исходный пункт монополизма); через конкуренцию и централизацию – к формированию монополий; через местный монополизм – к государственному, а от него – к транснациональному. Естественный ход развития как раз и предполагает вход в новое качество только на базе накопления количественных изменений.

На Вете процесс полной реализации потенциалов капитализма тормозился мозаикой прежних общественных форм, сдерживался природными факторами. На Земле та же закономерность развивалась более выпукло и органично.

На основе объективных изменений на Земле стали складываться и

субъективные условия формирования нового, посткапиталистического уклада. Классический капитализм питался за счёт расширения рынка. Новый капитализм, т.е. не капитализм уже в строгом смысле этого слова, выйдя на предельный – мировой – режим, чтобы существовать, должен был пожирать самого себя. Пока котёл расширялся, увеличение температуры пара не вызывало повышения давления. Теперь, когда рынок стал мировым, когда он в своём распространении достиг естественных границ, социальное давление резко пошло вверх.

Человечество вступило в период громоздящихся друг на друга общественных катаклизмов: войн, всплесков национально-освободительных движений, восстаний, революций в той или иной стране. За внешним хаосом событий угадывались очертания новой эпохи – эпохи социальной революции, ареной которой должен был стать весь мир (ибо капитализм – мировой строй), а пределом – утверждение на планете строя, в корне противоположного капиталистическому.

Единственным «зачинщиком» мировой «авантюры» был капитализм.

Так приблизительно сто лет назад капитализм вплотную подошёл к тому пределу, за которым должно было развернуться его отрицание и преобразование в более высокий исторический порядок. На основе экономической, объективной готовности к гибели, при необходимом участии субъективного фактора, должен был начаться слом его форм, его физический распад.

Алгоритм этого распада нам хорошо известен. Ещё до начала глобального перелома Фрэнком были заложены основы этого раздела теории. Впоследствии, на опыте революции Ненли и Бростайн довели теорию распада практически до совершенства.

Капитализм представляет собой не только экономическую систему. Он является ещё и системой стран, причём стран, различающихся по уровню своего развития и по своему месту в этой системе. Следовательно, переход от капитализма к более высокому строю на

поверхности реализуется как смена систем, как физический распад системы капиталистической и сложение, рождение из элементов этого распада новой, качественно отличной от старой системы. Так как капитализм представляет собой систему именно разнородных элементов-стран (такие крупные габариты элементов обусловлены мировым масштабом капитализма), он может погибать только по частям, только поэлементно, только в виде процесса поочерёдной утраты тех составных частей своей системы (элементов-стран), которые являются на данный момент средоточием его слабости.

Только поэтому, достигнув стадии готовности к гибели в целом, капитализм не может взорваться весь, сразу, мгновенно.

Такая поэлементная, растянутая во времени гибель характерна не только для общественных, но и для любых других сложных, внутренне разнородных и противоречивых систем. Мы наблюдаем такой тип смены качества повсеместно: в биологическом мире и социальном, в космических процессах и в геологии, на Вете, Земле и других планетах.

Я уже писал, что научная традиция на Земле оказалась прерванной. Реакционеры, которые свели на нет первую волну глобального революционного перелома, присвоив при этом наименование коммунистов (а так называли себя революционеры Земли), вообще избегали говорить о мировой революции. Замкнувшись в узких рамках «национальных коммунизмов», они лишь изредка славословили её в дежурном порядке (под аморфной вывеской «мирового революционного процесса»), совершенно не понимая при этом её сути. В узком кругу они посмеивались над «примитивизмом» Энгельса или Ленина, якобы считавших, что мировая революция представляет собой нечто вроде скоротечной военной атаки. Буржуазная наука без всякого стеснения тиражировала и тиражирует до сих пор эту ложь. В действительности марксизму (от имени: Маркс) совершенно чуждо такое вульгарно-абсурдное понимание перехода к новому, как называют его у нас, коллективистскому строю.

Как и на Вете, как это обусловлено его природой, капитализм на Земле распадается построчно. Точно так же формируется его юный и поначалу ещё очень слабый антипод. Это происходит посредством политических революций в отдельных странах.

У нас, как известно, в начале глобального перелома новое не накачивалось на старый мир в виде крутой и высокой волны. Вспыхивали и терпели поражение революции в Греции, Ловакии, Гарии, Стриаве, других странах, порознь и в какой-то комбинации. Лишь позже наступило время более мощного прилива. На Земле дело обстояло иначе. Первый – и сразу исключительной силы – прорыв был осуществлён в России, огромной стране, занимавшей место в середине пирамиды капиталистической эксплуатации.

Опыт начавшегося на Земле глобального перелома подтверждает, что в поляризованном теле капитализма самым уязвимым местом являются средние по своему развитию страны. Верх системы, подмяв под себя остальной мир и погрязнув поэтому в паразитизме, даже при избытке материальных условий для начала осуществления нового строя не мог в начале XX века (как, впрочем, и сейчас, и, наверное, в перспективе многих ещё десятилетий) выступить с революционной инициативой. Революцию делают люди, а там не было необходимого для неё субъективного фактора. Напротив, достаточно широкие слои в этих странах объективно были заинтересованы в сохранении существующего положения вещей. Низ (колониальная и полуколониальная периферия) совершенно не был готов в объективном отношении. Правда, специфические субъективные характеристики сделали определённую группу «нижних» стран попутчиками в революционном потоке.

Только среднеразвитые страны являлись кандидатами на выпадение из капиталистической системы. Но дело, собственно, не в уровне развития (это количественный показатель), а в месте в мировой системе капиталистической эксплуатации. Такие страны, располагая определённым минимумом материальных, объективных условий,

щедры были наделены и субъективными. Развитый субъективный фактор здесь сформировался под прессом эксплуатации со стороны стран, господствующих над миром. В этих странах, а не в таких «верхушечных», как, например, Соединённые Штаты Америки (США) или Англия, был рабочий класс в строгом смысле этого слова, т.е. класс буржуазного общества, всецело живущий своим трудом и не эксплуатирующий чужого.

Россия, крупнейшая из этой группы (таких стран в подобной группе не было на Восток) выделялась по всем основным обуславливающим революцию параметрам. Российские теоретики-марксисты за много лет до революции видели победу пролетариата (таково на Земле иное наименование рабочего класса) и обосновывали коммунистический (коллективистский) характер грядущей революции. Основой этого предвидения, писал один из виднейших революционных теоретиков и борцов Троцкий, было «ничтожество русской буржуазной демократии и концентрированный характер русской промышленности, а, стало быть, огромное социальное значение русского пролетариата». В сторону революции Россию толкали вопиющие пережитки докапиталистического уклада (и органическая неспособность буржуазии к их искоренению), острота национального вопроса, усиливающаяся, особенно в годы первой мировой войны, явившейся спусковым механизмом революции, зависимость от иностранного капитала.

Не случайно, видимо, Россия оказалась единственной на планете страной, где в необходимую сумму объективных и субъективных условий входили пролетарская марксистская партия, теоретическое видение задач и перспектив, наличие выдающихся вождей.

Переустройство человечества, начавшееся в 1917/1918 году с России, непосредственно захватило и другие страны. В революцию включились Венгрия и Словакия, Финляндия и Германия, Болгария, прибалтийские страны, окраины бывшей Российской империи, чуть

позже – Китай, спустя ещё некоторое время – Испания. Центры капитализма без особого напряжения выдержали первый удар. Их очередь тогда ещё не пришла и придёт, по всей видимости, не очень скоро.

Известен закон революции, согласно которому после победы, взлёта, форсированных преобразований всегда приходят поражение, откат, реставрация старых порядков. При этом попятное движение никогда не возвращает общественную систему к исходному пункту. У нас этот закон (исключений он не знает) показал себя как в буржуазных революциях, так и в тех, которые явились струями глобального перелома.

Об этом законе и его пружинах я ещё буду писать далее.

Все земные революции до сих пор развивались по тому же принципу. Российская революция, как и другие революции первой волны, продемонстрировала эту же закономерность.

Начавшийся на Земле глобальный перелом подтверждает, что распад капиталистической системы – это не автоматический и бесповоротный переход стран из одной системы в другую. Закономерность – в форме тенденции – пробивает себе дорогу через неудачи, поражения, откаты, реставрации, усталость масс, слабости субъективного фактора, опошление теории, равнодушие обывателя, торжество консерватора...

Взлёты и падения революций в различных странах, накатывающие и откаты мировых революционных волн, вписываясь в глобальный перелом, делают его тем, чем он является по своей сути и своему историческому месту, – борьбой нового со старым, вытеснением старого, утверждением в конечном счёте нового, более прогрессивного общественного устройства.

Алгоритм глобального перелома, в этом нет никакого сомнения, совершенно одинаков на Вете и на Земле, при всех их природных и социально-исторических различиях. Отличие земных условий порождает лишь иные формы, темпы и пути реализации объективной необходимости.

2 [СОЦИАЛИЗМ]

В 1917 году капиталистическая оболочка на Земле прорвалась.

Правда, это был уже второй прорыв. Первый, эпизодический и преждевременный, произошёл почти пятью десятилетиями ранее, когда в Париже, столице Франции, в результате восстания была образована Рабочая Коммуна. Обстоятельства международного развития выдвинули тогда Францию на «революционное место». Однако, мир в это время был ещё весьма далёк от полной капитализации, как в «охватном», так и в содержательном отношении. Он не приблизился ещё к тому рубежу готовности, за которым может и должна начаться долгая, трудная и лишь в конечном счёте успешная работа по его обновлению. Замечу между прочим, что Энгельс увидел возможность рабочей революции во Франции задолго до образования Парижской Коммуны.

На Вете таких – предвещающих глобальный перелом – всплесков было несколько. Это объяснимо: наш капитализм развивался в «рваном темпе», постоянно натываясь на природные и исторические преграды, иногда останавливаясь в своей рыночной экспансии и, как следствие, испытывая время от времени локальный социальный перегрев.

Как и наши предпереломные вспышки, Коммуна Парижа (она существовала 72 дня) высветила будущее, явила собой прообраз строя, к которому устремлялось человечество. Первый кратковременный опыт рабочей самоорганизации показывал, что логика общественного развития ведёт к преодолению капитализма. Подтвержда-

лось на практике то, что Маркс и Энгельс, исследуя подспудные, объективно-экономические самоизменения капитализма, «вычислили» теоретически.

Коммуна стимулировала научный поиск форм будущего общественного устройства, как завершённых, противоположных капиталистическим, так и незрелых, переходных к своей полной реализации. Полные, завершённые формы нового строя на Земле стали именовать коммунизмом, неполные, несущие ещё печать старого мира – социализмом. В сущности, незрелый коммунизм (социализм) был поставлен Коммуной Парижа в порядок дня.

Разумеется, на теоретическом эскизе будущего набрасывались лишь контуры, и притом скупыми и основополагающими штрихами. Во-первых, будущее может научно просматриваться только в виде главных своих черт. Во-вторых, на предпереломной стадии куда важнее и актуальнее было заниматься проблемами подхода к революции, к власти, вопросам организации коммунистического движения.

Основоположники оставили после себя, не считая многочисленных ценнейших, но разрозненных замечаний, по сути дела всего две работы, где теоретически оценивались и сопоставлялись социализм и коммунизм.

В работе «К жилищному вопросу» (1872–1873 гг.) Энгельс и в «Критике Готской программы» (1875 г.) Маркс впервые чётко вывели, что новое, коммунистическое, не имея чудодейственной возможности образоваться сразу, вырастает из старого и на базе старого лишь после известного переходного периода, сочетающего в себе черты, элементы, экономические организации двух исторически противоположных укладов. Новое в своём развитии вырисовывалось в двухфазном виде. Сначала могли образовываться только зачатки грядущего строя, его неразвитые, но развивающиеся формы; потом, в процессе развития – окончательно освободившийся от пут старого полный коммунизм. Начальное состояние, социализм Маркс назвал первой фазой

коммунизма, завершённое состояние – высшей фазой коммунистического общества.

Подходы к таким выводам прослеживались уже в «Немецкой идеологии» (1845–1846 гг.), «Принципах коммунизма» (1847 г.), «Манифесте Коммунистической партии» (1847–1848 гг.). Будучи превосходными историками, Маркс и Энгельс видели такой тип становления нового на каждом историческом переломе человеческой истории, в любой революционной эпохе, будь то переход от бесклассового общества к классовому или, например, от феодализма к капитализму. Таков характер смены старого новым, независимо от того, когда, на каком уровне развития и в какой точке Вселенной он себя демонстрирует.

Первые ветианские учёные-революционеры, это хорошо известно и в наше время, также за несколько десятилетий до глобального перелома заглянули в будущее, тоже в общих чертах описали переходной период, наметили политические и экономические меры впоследствии государственно организовавшегося рабочего класса. Но на Вете теоретический задел был намного более значительным, чем на Земле. Мощный импульс был передан следующему поколению учёных.

У нас неоднократные предпереломные вспышки, перелившиеся без какой-либо резкой грани в интернациональную революцию (глобальный перелом), и последовавшие затем, на раннем этапе глобального перелома, довольно быстрые поражения революций в разных странах дали несравненно больше для науки, нежели первые поражения пролетариата (в середине XIX века), Парижская Коммуна и даже, как это ни парадоксально, победоносная, укрепившаяся на несколько лет революция в России. В жерновах ещё предпереломной борьбы, в первых поражениях и откатах глобального перелома суровая действительность перемалывалась в чёткие теоретические построения и законы науки.

Вы помните, именно в то непростое время наш известный демократ и гуманист, знаток и почитатель Ларка доктор Эльберн сказал,

что ничего не работает на теорию лучше, чем сокрушительные поражения революций. Понимая объективную обусловленность революций, он тем не менее постоянно склонялся к мысли, почему бы прогрессу не осуществляться и на путях всеобщего согласия. Две линии отношения к революции прослеживаются на Земле не менее рельефно, чем на Вете.

Казалось бы, победоносная революция в России и первые её (и мира) шаги к новому строю дадут толчок к научным изысканиям. Отчасти так и произошло. Но лишь отчасти. Во-первых, все было отдано борьбе за сохранение завоёванного. Лучшие теоретические силы расстрачивались на организаторской, хозяйственной, военной и дипломатической работе, съедались текучкой ежедневно и ежечасно возникавших проблем, истощались голодом, недосыпанием, болезнями. Они отстаивали революцию. И вряд ли кто мог сделать это лучше. Во-вторых, мощнейший подъем революции накладывал свой отпечаток и на мысли людей, толкал к переоценке человеческих возможностей в историческом процессе, порождал идейные и теоретические увлечения, заставлял думать, что, одержав верх над старым режимом, можно если не сломить, то хотя бы подтолкнуть и историю. Правда, спешили не люди, спешила как можно больше взять революция. Люди поднимались во всех отношениях на накатывающейся революционной волне. Их устами говорила сама история.

Революцию удалось отстоять. Но когда миновал самый трудный – военный – период революции, и можно было осмотреться, начался закономерный откат первой волны глобального перелома. Радикальнейший подъем обусловил и соответствующую ему реакцию. Она, растянувшись в отличие от ветианских отливов на многие десятилетия, сначала буквально физически подсекла научную марксистскую традицию, а позже заблокировала всякие проявления свободомыслия.

Из тройки выдающихся теоретиков второго поколения (Маркс умер в 1883 году, Энгельс – в 1895), среди которых особенно выде-

лялся Ленин, вскоре в живых остался лишь Троцкий. Роза Люксембург была зверски убита контрреволюционерами ещё раньше, в 1919 году. Ленин умер в 1924. В последний год жизни, изнурённый работой и больной, он был практически оттеснён от политической деятельности и изолирован от партии, правдивой информации и друзей. Набирала силу группировка, которой суждено было персонифицировать попятное движение истории и которую возглавляла как нельзя лучше подходящая для этой роли «выдающаяся посредственность» — Сталин.

После смерти Ленина Сталин весь свой организаторский талант направил на уничтожение Троцкого. Он использовал былые и не столь существенные разногласия Троцкого и Ленина, интриги, клевету, миф о троцкизме, травлю, ГПУ (карательный орган государства). Троцкий отчаянно сопротивлялся, сначала в руководящих органах партии и государства, затем в ссылке, ещё позже в изгнании. Ответом на призыв Троцкого к восстанию стало то, что только и смог сделать «палач с авторитетом революционера». В 1940 году Троцкий был убит по приказу героя своей книги за работой над её текстом. Рукопись «Сталин» осталась незавершённой.

Троцкий погиб с ярлыком «шпиона» и «злейшего врага Ленина, партии и революции». Удивительно, невероятно, что после того как всплыла правда о Сталине и сталинизме, люди не верят этому патентованному лжецу (я опускаю другие его характеристики) и его последователям ни в чём, кроме того, что они (сталинцы) являлись коммунистами и марксистами, что в России был осуществлён социализм, наконец, что революционер был контрреволюционером. Реакция полностью сделала своё дело. Видимо, только подготовка и подъём новой волны поставят всё это с головы на ноги.

Представления о новом строе и порядке его становления выкристаллизовывались после 1917 года в труднейшей обстановке непрерывной борьбы, то с открытой контрреволюцией буржуазного мира,

то с ползучей и расползшейся в конце концов до своего предела реакцией отката революции. Сделано было немало. Но собрать в единую стройную концепцию всё наработанное историческим процессом и теоретической мыслью не удалось.

Не удалось до самого последнего времени. Хотя такие попытки предпринимались. Однако, в «верхних», паразитических странах, как и в слаборазвитых, никогда не было социальных условий для формирования и развития строго научного взгляда на общество. На Земле, как и на Вете, ведущие теоретики рекрутировались только из группы среднеразвитых стран. Но и в этих странах научная мысль оказалась перекрытой, правда, не только специфическими социальными условиями (о них речь пойдёт далее), но и реакцией, пресечением любых проявлений независимого мышления и уголовными карами, вплоть до смертной казни.

Анализируя представления марксистских теоретиков о социализме, я прихожу к выводу, что они (представления), несмотря на свою фрагментарность, в целом адекватно отображают стержень общественного развития в эпоху коммунистической революции (глобального перелома). Здесь нет принципиальных различий с ветийанской трактовкой этого строя. Есть лишь незавершённость и отсутствие одного очень важного логического звена.

В марксистской традиции социализм изначально рассматривался как строй переходный, сочетающий в себе черты старого и нового, капиталистического и коммунистического. Ещё Маркс в «Критике Готской программы» писал, что «мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет ещё родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло».

Неоднократно затем мысль о вырастании социализма непосредственно из капитализма, о грузе старого на первой коммунистической

фазе подчёркивал Ленин (в «Государстве и революции», «Великом почине» и др. работах).

Только так и может быть при становлении нового, на его начальной или низшей фазе. Переходность не может существовать вне неполноты, как и обратно, неполнота невозможна вне переходности. Социализм неполон как коммунизм, потому что переходен, потому что будущая полнота качественно противоположного капитализму строя разбавлена ещё именно капиталистическими включениями. Другое дело, что в ходе исторического развития эти включения вытесняются и отмирают. Исчезает переходность – ликвидируется и неполнота.

В этом сплаве переходности и неполноты в сущности и состоит квинтэссенция теории социализма.

Именно это единство переходности и неполноты могло стать тем логическим звеном, которое сделало бы теорию социализма завершённой, работающей в полную силу на практику (кратковременная возможность реализации социализма представилась весной 1921 года) и, что исключительно важно, менее податливой на извращения.

Осталось сделать всего один шаг.

Близки к разгадке феномена социализма были учёные-марксисты Богданов и Преображенский. Последний в книге «Анархизм и коммунизм» даже мимоходом отождествил социалистическую систему хозяйства и переходный период от капитализма к полному коммунизму. Но только мимоходом и вскользь. Тогда, когда судьба революции висела на волоске, социализм был ещё за горизонтом ближайших и более важных целей.

Переходность и неполноту, можно сказать, уже держал в руках Ленин. В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» он рассматривал последнюю капиталистическую стадию (в марксистской традиции она получила название империалистической) как уже не капитализм в строгом смысле этого слова и, вместе с тем, как строй, переходный от капитализма к более высокому общественно-экономиче-

скому укладу, к коммунизму. Действительно, умирание старых, изживших себя форм даёт в принципе тот же сплав. Уходящее старое уже неполно, потому что беременно новым. Нарождающееся новое ещё неполно, потому что несёт на себе печать старого. «Уже» и «ещё», смерть и рождение равным образом вписываются в процесс развития.

Но простой и чеканный, всего один-единственный шаг так и не был сделан.

Умственная работа «откатчиков» облегчалась. В их головных механизмах слова из «Критики Готской программы» или «Государства и революции» бездумно выстраивались в цепочку: переходной период – социализм – коммунизм. Логика, историческая действительность, теоретические наработки марксизма за ненужностью отбрасывались. Я не буду сейчас останавливаться на тех практических возможностях, которые открывало такое «историческое место социализма». Пока только отмечу, что этот социализм, в дальнейшем осуществлённый на практике, эксплуатировался в интересах реакции, и притом небезуспешно, почти на всем длительном отрезке отката.

Разумеется, не все было так просто и бездумно. Был и умысел. Спустя несколько десятилетий после фальсификации один из namного переживших Сталина сталинистов первого призыва делился секретами кухни: «...у Маркса сказано: между капитализмом и коммунизмом в этот переходный период не может быть ничего иного, кроме диктатуры пролетариата. А у нас сейчас предлагают везде так: между капитализмом и социализмом! Это во всей литературе исправлено. И в Программе». Только предлагать стали задолго до «сейчас». Вообще вопрос о грани между, мягко говоря, неосведомлённостью и нечистоплотностью – один из самых сложных в истории социологии.

У нас, на Вете, при откате одной из наиболее значительных волн сложилась похожая на земную ситуация, скорее, даже эпизод по меркам нашего глобального перелома. Тогда в Перимии, паразитируя на авторитете революции и прикрываясь революционными знамёнами, у

власти в ползучем порядке утвердилась группировка Виши-Гаджула. Он, не без участия особенно не блиставшего по части диалектики и постоянно бросавшегося в крайности Нирубаха, пытался протащить наряду с другими новациями «переходный уклад между капитализмом и первой стадией коллективистского строя». Томившийся в тюрьме Ненли и перешедший на нелегальное положение Бростайн отпарировали двумя блестящими работами по теории первой фазы коллективизма (социализма), ставшими затем классическими. Впрочем, вряд ли Виши-Гаджул успел их прочитать – его режим был сметён уже буржуазной контрреволюцией. Об этой посредственности больше не слышали. Впрочем, ходили слухи, что он подвизался в качестве надзирателя в одном из концлагерей Рамгении во время существования там фашистского режима.

Вернёмся к социализму. Объективно разворачивающийся процесс общественного развития даёт на любом историческом переломе синтез старого и нового, их переплетение и взаимодействие. Новое вырастает из старого и на его основе. Социализм, образно говоря, сделан из двух материалов: капиталистического и коллективистского (коммунистического). Он сочетает в себе, но только в объективно обусловленной и уравновешенной в зависимости от степени развития общества пропорции, стихию и порядок, рынок и план, частную собственность и общественную. Сочетает, но этим не примиряет и не замораживает. Социалистический строй есть движение к полным коммунистическим формам. Социализм представляет собой и борьбу, находящую выход в постепенном изживании капитализма, но ни в коем случае не в его уничтожении или отмене. Наконец, и это едва ли не главное, социализм является строем, по возможности бережно использующим капиталистическое начало посредством его государственной (политической, классовой) организации, строем, не растрачивающим продуктивные потенции капитализма, а, напротив, направляющим их в общественное русло, заставляющим капитализм работать на коммунизм. Более высокий строй не может сформироваться иначе, как

только из имеющегося в наличии материала. В противном случае история не была бы прогрессивной чередой находящихся в преемственной связи общественно-экономических образований (формаций).

Однако, это среднеарифметическое значение социализма. Таким он объективно вырисовывается в теории. Это – норма, которая на практике исключительно редка, даже случайна. Это – идеальный социализм. Он даже абсурден, ибо был бы таким и только таким, если бы не было людей.

Социализм в жизни реализуется через отклонения от нормы. Историю делают люди, и они, их вожди, организации, партии, классы, людские интересы, влечения, антипатии, страсти, вдохновение, усталость, наконец, борьба сообщают социализму (он ведь не просто переходит, он, находясь в составе глобального перелома, революционен) приливы и отливы, взлёты и падения, победы и жестокие поражения. Это – живой, реальный социализм, социализм людей, придающих субъективные возмущения объективной линии развития. Объективная необходимость в обществе реализуется только так. Реализуется в конечном счёте и только через деятельность людей.

Соответственно существуют два уровня теории социализма. Социализм сначала должен и может исследоваться только как объективное явление, в идеальном виде. И лишь на этой основе и после этого возможно познание его как объективно обусловленной деятельности людей, т.е. в виде реальном (сталинисты называли реальным насаждаемый ими социализм, и были по-своему правы; я вкладываю в это понятие иной, научный и более широкий, смысл).

В дальнейшем для объяснения земной истории в период первой волны глобального перелома я буду опираться на вырастающий из первого второй, более высокий уровень теории социализма. Впрочем, это касается теории вообще. Здесь, в переплетении объективного и субъективного, на стыке социологии и социальной психологии находятся ответы на все основные вопросы, поставленные этим бурным временем.

3 [СТАЛИНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ]

Подъем первой революционной волны продолжался считанные годы, откат – должен был растянуться на два, три, от силы, на четыре десятилетия. Это понятно: действовать по ходу истории легче, чем идти против течения. Такую закономерность мы вычленили из опыта наших приливов и отливов. Но столь длительного отката наша наука ещё не знала. Второй «откатной» новинкой, которую я обнаружил на Земле, было попятное движение, вплоть до самого последнего времени, под этикетками марксистского социализма. В ветианской истории три-четыре раза промелькнуло нечто подобное. Об одном из таких эпизодов я упомянул. Но это были эфемерные псевдоколлективистские режимы. Они падали, едва утвердившись. В России, оказавшейся в силу определённых обстоятельств в эпицентре первого революционного потрясения мира, красные знамёна (на Земле красный считается цветом революции) реакция не опускала целых семь десятилетий!

Под знаком российского отката развивались события и в других странах, среди которых своим удельным весом особенно выделялся Китай. Российский откат блокировал испанскую и китайскую революции, революционные выступления в странах Восточной Европы, революцию на Кубе, пробуждение Азии и Африки. Не чураясь насилия, Москва (столица России, позже – Союза Советских Социалистических республик, образованного в конце 1922 года вокруг России на базе народов, прежде входивших в Российскую империю) приводила «мировой революционный процесс» к общему – своему собственному – знаменателю.

Красные знамёна и феноменальная длительность отката. Может быть, они связаны между собой? Попытаемся сначала разобраться в том социализме, который исповедовали Сталин, его приспешники и последователи.

Под конец 1924 года Сталину, никогда не ходившему в теоретиках, выпало сделать «открытие». Впрочем, свой новый курс в теории он в качестве открытия не афишировал. Просто он стал утверждать, что партия всегда исходила из возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Этим Сталин не только подвергал ревизии основную идею марксизма о существовании и порядке становления нового строя. Он перечёркивал и собственные взгляды. Конечно, если таковые имелись. Речь, скорее, должна идти о высказываниях.

Так или иначе, но в вышедшей в начале того же 1924 года книге «О Ленине и ленинизме» Сталин писал: «Свергнуть власть буржуазии и поставить власть пролетариата в одной стране ещё не значит обеспечить полную победу социализма. Главная задача социализма – организация социалистического производства – остаётся ещё впереди. Можно ли разрешить эту задачу, можно ли добиться окончательной победы социализма в одной стране без совместных усилий пролетариев нескольких передовых стран? Нет, невозможно. Для свержения буржуазии достаточно усилий одной страны, – об этом говорит нам история нашей революции. – Для окончательной победы социализма, для организации социалистического производства усилий одной страны, особенно такой крестьянской страны, как Россия, уже недостаточно, – для этого необходимы усилия пролетариев нескольких передовых стран».

«Таковы в общем, – резюмировал Сталин, – характерные черты ленинской теории пролетарской революции».

В последующих изданиях книги это место было переписано в прямо противоположном духе, а в принципе достоверно изложенные «характерные черты ленинской теории пролетарской революции» уже через год – объявлены троцкизмом.

Что Сталин подразумевал под социализмом, низшую или высшую стадию нового строя, тогда ему самому было не ясно, да и не суть как важно. Дело шло о другом, о переходе с интернациональных, объективно революционных позиций на национальные, антиреволюционные. Это была одна из форм, в которых отступала революция.

Задним числом выяснилось, что имелся в виду все-таки социализм (первая фаза). Выяснилось, когда к «теории» был приклеен «переходной период от капитализма к социализму». В конце 1930-х годов «теория» приобрела законченный вид – Сталин «обосновал», конечно, «продолжая дело Ленина», возможность построения В СССР теперь уже полного коммунизма.

Что касается «переходного периода от капитализма к социализму», этот фантом стал появляться на откатной кухне чуть раньше, независимо от «построения социализма» и совершенно спонтанно. Дело в том, что узкая метафизика даётся несколько легче, чем охватывающая своим взглядом мир диалектика. Понимание единства переходности и неполноты требует некоторых усилий и наличия мысли. «Переходный период к социализму» заглядывал в теоретические головы Бухарина и Рязанова, пристраивался в документах Коммунистического Интернационала (так называлась созданная в 1919 году международная марксистская организация; с началом отката перешла под контроль сталинской группировки), словом, витал неприкаянным, как дух божий над бездной. В рамках представлений о мировой коммунистической революции (глобальном переломе) его не с чем было соединить. Понадобилось открыть «возможность построения социализма в одной стране», чтобы два призрака органично состыковались, образовав тем самым основу, на которой пышным цветом расцвёл официальный так называемый научный коммунизм. Фантазмагории тоже имеют свою логику.

Бок о бок со Сталиным действовал на «теоретическом» фронте Бухарин. О нем Ленин диктовал в конце 1922 года в своём «завещании»: «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он

также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

Теперь, в 1924 году схоластичность бухаринского мышления вылилась наружу. Податливая недialeктичность любимца партии, авторитет теоретика (перу Бухарина действительно принадлежали неплохие работы) как нельзя лучше подходили для осуществления амбиций Сталина на этапе отката революции. Не стало Ленина, и Бухарина как будто подменили. Плодовитый автор на несколько лет (в 1938 году его уничтожит Сталин) превратился в бесперебойно работающую печатную машину, методично выбрасывающую в обрамлении словесных вензелей «возможности победоносного социалистического строительства в СССР» и «переходный период от капитализма к социализму».

Бухарин начисто забыл, что он писал всего несколько лет назад: в «Классовой борьбе и революции в России» (1917 г.) и «Диктатуре пролетариата в России и мировой революции» (1919 г.), в «Теории пролетарской диктатуры» (1919 г.) и «Экономике переходного периода» (1920 г.), наконец, в выработанной комиссией под его руководством программе (не в какой-нибудь статье!) комсомола (молодёжной коммунистической организации России). Троцкий как-то заметил, что спасение Бухарина – в короткой памяти. Возможно, и так. Что касается Сталина, тот наверняка помнил все.

За Сталиным и Бухариным тянулись функционеры и околонаучные силы рангом ниже.

Создавалось впечатление, что людей, делавших международную революцию, кто-то околдовал. Нет, все было значительно проще. Идейный, а вместе с ним и политический поворот имел вполне реальные основания. Ими были: на международном уровне – крупные поражения европейского пролетариата, прежде всего в Германии; внутри страны, с одной стороны, скромные, но уже успехи экономики

Советского Союза, с другой – сравнительно низкий уровень послевоенного восстановления хозяйства, при котором (уровне) не ощущалось ещё потребности в сотрудничестве с мировой экономикой.

Негатив и позитив, причудливым образом переплетаясь в сознании революционных попутчиков (что это – попутчики, стало выявляться только сейчас), вели и приводили их к мысли, что, раз так, можно обойтись и без международной революции (революции в их понимании). Поворот в сознании облегчался недialeктичностью мышления и узостью кругозора. Но, главное, сознание находившихся наверху попутчиков-откатчиков видоизменялось под влиянием токов, исходивших из самых глубин народной толщи.

Здесь, внизу, был сокрыт самый существенный потенциал поворота. Массы, прежде всего крестьянские, мелкобуржуазные, устали тащить на себе мир. Приняв участие в пролетарской революции, получив землю, на которой после шести с лишним лет войны некому было работать, вытерпев «военный коммунизм» и не найдя лучшей жизни в коммунии, они хотели пожить теперь спокойно, отойти от общественных дел, вернуться в свой мир (или мирок). Этот вздох усталости и разочарования внизу, пробежав по вертикальной цепочке общественного сознания, трансформировался наверху в эхо доктрины самодовлеющего национального социализма. Другие обстоятельства могли дать результат в виде иной идейно-теоретической конструкции.

Объективно антиреволюционная теория социализма в одной стране зародилась не столько в головах попутчиков, находившихся наверху, сколько в подсознании, психологии широких масс, стихийно втянутых в революцию и теперь отливающих от неё. Развернувшаяся наверху дискуссия о социализме (против Сталина и Бухарина наряду с Троцким выступили такие крупные деятели партии, как Зиновьев, Каменев, Радек), многим казавшаяся чисто академическими забавами, на деле отражала глубинные изменения в сознании масс. В идейных стычках по поводу социализма мерились силами наступающая контрреволюция и отступающая революция.

Ни Сталин, ни Бухарин не были первооткрывателями национально-социалистического общества. Почти за полвека до их сползания германский социал-демократ Фольмар опубликовал в Цюрихе работу «Изолированное социалистическое государство», где пускал те же стрелы в Маркса и Энгельса (Ленин тогда ходил в первый класс гимназии). Почему германский социал-демократ взялся в то время за создание теории национального социализма? Потому, что это было время реакции, захлестнувшей континент после поражения Парижской Коммуны, период торжества либерализма в Англии. В Германии, напротив, наблюдался рост социал-демократии. Из этого переплетения и родился впервые национальный социализм. История повторилась. Правда, с двумя отличиями. Во-первых, Фольмар только теоретизировал, не имея возможности посягнуть на практику. Во-вторых, делал это более квалифицированно, чем его российские эпигоны в XX веке.

В идейной борьбе, развернувшийся вокруг социализма, сталинская группировка не выказала и тени научности. Нигде у Сталина, отмечал Троцкий, его теория в положительной форме не развёрнута и даже не изложена. Ни на одно возражение Сталин не ответил. Это естественно. Идейный заряд контрреволюции, выраставшей из мелкобуржуазного отката, не мог не основываться на инстинкте обывателя, не мог не быть насквозь иррациональным. Экзальтированные ораторы на многочисленных собраниях не уставали своему «оптимизму», «убеждённости в успехе социалистического строительства», своему пафосу (бывает и контрреволюционный пафос) противопоставлять «ликвидаторское безверие в силы пролетариата», «пораженчество» и «скептицизм». Подготовленные аудитории встречали ругань, чередующуюся с коммунистической и патриотической фразеологией, рукоплесканиями и «горячим одобрением генеральной линии партии». Напора мысли у сталинцев хватало только на аргументы типа «отчётный год, прошедший под знаком хозяйственного подъёма, полностью доказал возможность строительства социализма в СССР».

Все это выглядело жалко и ... мрачно. Идейный шабаш мог привести к самым трагическим последствиям. Впрочем, первые ягодки уже созревали – от травли, используя силу государства, группировка Сталина переходила к репрессиям.

Я задаю себе вопрос: не напрасно ли в разгоревшейся борьбе Троцкий, другие оппозиционеры апеллировали к объективным закономерностям исторического процесса, научной традиции, авторитету Маркса, Энгельса, Ленина? Скорее всего, напрасно, если к делу подойти сугубо прагматически. Рациональные доводы не только не воспринимались, но и, как мне кажется, совершенно не замечались реакционерами. Но других в запасе у оппозиции не было. Отступающая революция не могла сражаться иначе. Правда и наука являются выражением её существа. Интересы будущего требовали только таких методов борьбы.

К слову сказать, Троцкий, несомненно, в то время самый сильный в теоретическом отношении марксист, превосходящий на две головы скудоумного Сталина вместе с его компанией, так и не смог выйти на те научные рубежи, которые, быть может, не позволили бы прерваться революционной идейной традиции. В его работах, написанных не только в 20-е годы, но и в конце жизни, когда речь идёт о мировой революции или социализме, нет-нет и встречаются механистические ноты. Вета на этом этапе глобального перелома оставила Землю далеко позади. У нас к тому времени уже была совершенно чёткая концепция революционного переустройства общества и в её составе – стройная теория первой фазы коллективизма.

Реакция, наступая под красными знамёнами, не могла упустить шанса нарастить свой идейный капитал за счёт авторитета Ленина. В сущности, ленинские работы, из контекста которых выдёргивались цитаты, и составляли её основной источник первоначального накопления. Правда, источник весьма скромный. Терзались, за неимением большего, всего две работы. Это – из многих-то сотен по данному вопросу!

Что же откопали Сталин и Бухарин у Ленина по поводу пресловутой победы социализма в одной стране?

В 1915 году в небольшой статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы» Ленин писал: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетённые классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств».

Вот она, победа социализма в одной стране, торжествовал Сталин. Учитель обосновал! Выходило, правда, что своим «обоснованием» Ленин перечеркнул все, что по этому вопросу говорили Маркс, Энгельс и он сам до 1915 года. Сталин не преминул уточнить, что в статье «О лозунге Соединённых Штатов Европы» Лениным впервые в партии был поставлен вопрос о строительстве социалистического хозяйства в одной стране.

Но дело не столько в истории вопроса. Ленин писал-то о совершенно другом, что и вырисовывается при прочтении, конечно, внимательном, даже одной этой маленькой статьи. Что ж говорить о многочисленнейших работах, написанных и до 1915 года, и после «прозрения» Ленина, с 1915 по 1923 год! Что говорить о научной традиции марксизма и его духе!

Ленин писал всего-навсего о завоевании пролетариатом политической власти, о том, что, завоевав её, он должен организовать для её защиты и, возможно, даже для наступления на капиталистов производство. Это и есть победа социализма, одна из первых его побед. Именно такая победа и была одержана российским пролетариатом в

1917 году. Тогда научное предвидение Энгельса и Ленина о постранином порядке распада капитализма подтвердилось. И это, кстати, тоже победа социализма, только в области теории, а не революционного творчества масс.

Что касается истории вопроса и назначения статьи, здесь небезынтересно мнение Троцкого. Он писал: «Наиболее, однако, плачевное состоит в том, что цитата эта никак не относилась Лениным к России. Речь шла о Европе в противовес России. Это вытекает не только из содержания цитируемой статьи, посвящённой вопросу о Соединённых Штатах Европы, но и из всей тогдашней позиции Ленина.». Троцкий имеет в виду ленинские взгляды того времени, согласно которым в западноевропейских странах уже созрели объективные условия для начала перехода к новому, коммунистическому строю, тогда как Россия стояла на пороге демократической, буржуазной по своей сути революции. Позже Ленин пересмотрел свою позицию.

Столь же бесцеремонно была препарирована и другая приглянувшаяся откатчикам статья – «О кооперации» (январь 1923 года). Я не буду останавливаться на методах её «анализа» сталинско-бухаринской школой. Они в точности такие же, как и в случае со статьёй «О лозунге Соединённых Штатов Европы».

Так, из двух совершенно ложно истолкованных цитат и собственного «оптимизма», при помощи запугивания, травли и репрессий, была сделана «теория построения социализма в СССР». Вернее, была фальсифицирована. Этот метод на многие десятилетия стал основным, если не единственным.

Когда в конце 1960-х годов стало выясняться, что «коммунистическое строительство» почему-то не идёт, последователи Сталина (он умер в 1953 г.) в который уже раз ухватились за спасительный ленинский авторитет. В результате появилась «концепция развитого социализма», которую Ленин якобы разработал в 1918 году и которую злобные темно-синие переплёты прятали целых полсотни лет. Только сейчас из них удалось вытянуть тайну, что коммунизму предшествует

развитой социализм. Фальсификация была шита теми же белыми нитками. В выступлении, на которое указывали «учёные» из окружения Брежнева (он находился во главе партии-государства в 1964-83 гг.) Ленин, во-первых, взял выражение «развитое социалистическое общество» из тезисов Московского губкома партии, во-вторых, эти тезисы критиковал, резюмируя свою критику словами «все это сплошная путаница!», наконец, в-третьих, путаники из Московского губкома писали, правда, неграмотно, о полном коммунизме. С другими цитатами (их набрали шесть) дело обстояло ничуть не лучше.

Надо сказать, что цитатчики, как в 20-е, так и в 60-е годы, пользовались, и не без успеха, определёнными сложностями в марксистской терминологии.

Насколько я знаю, в ветианской научной традиции применение и понимание терминов никогда не вызывало затруднений. Неизменно, со времени Ларка и Фрэна, противоположный капитализму строй у нас назывался коллективизмом, революционный переход мира от капитализма к коллективизму — глобальным переломом (иногда глобальной революцией), революционера, приверженца коллективистских взглядов — коллективистом.

На Земле Маркс и Энгельс с середины XIX века, т.е. с начала движения, в принципе то же самое именовали соответственно коммунизмом, коммунистической революцией и коммунистом. Однако, от этой тройки основных терминов по ряду причин, в частности из-за реакции, наступившей после поражения Парижской Коммуны, и использования этих же слов представителями других революционных течений, пришлось отказаться. На смену им (без изменения смысла) пришли: социализм, социалистическая революция, социалист (или социал-демократ). Но предстояла ещё одна метаморфоза, на этот раз после того, как социалистические лидеры во время первой мировой войны заняли пробуржуазные, националистические позиции. Ленин порывает с ними не только идейно и организационно, но и в термино-

логическом отношении. Опять в оборот входит первоначальный, введённый ещё Марксом и Энгельсом набор.

Вывод из всего этого прост: чтобы понимать автора какой-либо работы, надо знать, когда она написана, какими терминами тогда пользовались. Неплохо ещё иметь в виду и индивидуальные особенности того или иного автора. Так, например, педантичный «первый русский марксист» Плеханов часто не жалел времени и места для уточнения понятий, писавший на стыке двух «словесных эпох» стремительный Ленин иногда на одной странице в одинаковом значении употреблял старый и новый термины, консервативный в этом вопросе Троцкий до конца жизни не смог отказаться от слова «социализм» для обозначения высшей фазы коллективистского строя.

Фальсификаторы, по крайней мере, некоторые из них, конечно, знали о нелёгкой судьбе слов. Но сделали из исторических изменений терминологии тайну и берегли её, как зеницу ока. Не будь этой тайны, не будь словесных превращений, неясностей, небрежностей и оговорок, на чём бы они паразитировали вместо авторитета Ленина и революции?

Итак, насквозь ложная «теория социализма в одной стране» была сделана. У власти находились её творцы. Разумеется, они не собирались ограничиться только изданием учебников «с дополнениями и изменениями». Дело переходило в практическую плоскость.

Когда велись жаркие идейные баталии, в центре внимания была вторая часть формулы («в одной стране»). Теперь, когда возможность построения социализма была «доказана», и «теория» освещала путь для практической деятельности, должен был встать вопрос о характере этого строящегося социализма.

Но вопрос так и не встал в полный рост. Он и не мог встать — в марксистской концепции социализма не хватало основного логического звена. Природа социализма лишь нащупывалась.

Во что же тем не менее могла развернуться сталинская формула?

Так как новоявленный «социализм» органично состыковывался с

«переходным периодом от капитализма к социализму», он оказывался в силу этого свободным от капиталистических черт, элементов, организаций: конкуренции, частной собственности, рынка, экономических стимулов, интересов, товарно-денежных отношений... Все это (речь не идёт о декорациях) сбрасывалось в «переходный период». Социализм из переходного строя, каким его даёт логика истории, превращался в какой-то антикапитализм. Он, совершенно незрелый и неготовый для этого, а «строители» в скором времени стали форсировать его установление, должен был принять на себя функции (и ношу) коммунизма.

Сталинцы, таким образом, субъективно брали курс на социализм, но объективно выходило, что дело идёт к насаждению коммунизма. Хотя ни то, ни другое невозможно. Социализм вообще нельзя построить из-за его переходности. Коммунизм не может вписаться в узкие национальные рамки.

Что это, насилие над историей? Вряд ли. Насилие над историей – вещь весьма условная. Попытки насаждения в настоящем будущего или прошлого всегда являются насилием над людьми.

На это была объективно направлена формула, узаконенная ложью, силой государственной власти и социальным весом отливающих от революции масс. Будет ли она реализована, зависело от обстоятельств развития страны.

Троцкий назвал 1924 год годом великого переворота. Это было спустя семь лет после Октябрьской революции.

Какие законы истории привели от октябрьской победы к начавшемуся перевороту? Какие события уместились на этом историческом интервале? Чтобы ответить на эти вопросы, мне придётся предпринять экскурс в область теории и вернуться по оси времени не только к земному 1917 году, но и в наше более отдалённое прошлое.

4 [ЗАКОН ВОЛНЫ]

История социологии знает немало прямо-таки тупиковых ситуаций. Казалось бы, сделано все: выяснена объективная обусловленность того или иного явления, ухвачены причинно-следственные связи, обнаружены, если речь идёт о становлении нового, его экономические организации в теле сходящей с исторической сцены прежней общественной формы. Истории – объяснённой, понятой, переложенной на язык логики! – остаётся только реализовываться. И она действительно реализуется. Но как! Прогресс мучительно прокладывает себе дорогу, льётся кровь, общество топчется на месте.

Почему так происходит? На этот вопрос безукоризненные, сухие теоретические выкладки не дают ответа. Ответ, кроме сакраментального «в конечном счёте», ими и не предусмотрен.

Так почему же прогресс не идёт прямой дорогой? Чтобы ответить на этот вопрос, надо подняться над нижним, абсолютно обязательным на начальной стадии исследования ярусом теории. Необходимо с объективного уровня, о котором я уже говорил, взойти, не отрываясь от него, выше, увидеть историю как объективно обусловленную деятельность людей. В противном случае сквозь редкую ячею сугубо объективного подхода постоянно будет проскальзывать череда реальных событий, будут незамеченными уходить чаяния и страсти людей, их жизнь, то, из чего история собственно и состоит.

Когда теория остаётся наедине с объективной необходимостью, и это свидание затягивается, наука даёт ответ лишь на вопрос «что происходит?» (или «что должно произойти?»). При этом вопрос «как?»

полностью теряется за объективно неизбежным и таким далёким «конечным счётом». А ведь в ответе на этот вопрос – судьбы людей. Ответ на вопрос «как?», если его переложить на язык организации, руководства, тактики, способен превратиться в могучую силу. В ту силу, овладев которой, носители прогресса могут сделать единственное, на что способен человек в своём воздействии на объективный ход событий, – облегчить историческое движение, смягчить муки рождения нового, уменьшить количество жертв. Разве этого мало?

Гуманизм состоит не в отстаивании и попытках приложения к практике пусть даже самых высоконравственных, но оторванных от действительного развития идей. Высший гуманизм заключается в исторической деятельности, опирающейся на познание необходимости, все более глубокое, детальное, перекидывающее мостик от вопроса «что?» к вопросу «как?», от голой абстракции движения общества к жизни отдельного человека.

Каких только обвинений в антигуманизме не выслушали в своё время наши основоположники. Критическая полоса продолжалась и после их смерти, до тех пор, пока поднятая на «человеческий ярус» наука об обществе не стала широко и методично претворяться в жизнь.

Маркс и Энгельс, а позже Ленин, другие теоретики и революционеры не избежали подобной участи. Как и у нас, эта критика, продолжающаяся и сейчас, порой в самых оголтелых формах, основывалась на полном непонимании логики развития новой науки. Я не говорю о том, что в сущности она никогда не была справедливой. Марксистская традиция, изначально ухватив линию общественного прогресса и уже только поэтому прочно закрепившись на гуманистических позициях, на определённом этапе должна была решительно выйти за пределы вопроса «что?». Мне представляется, к такому прорыву вплотную подошёл Энгельс.

В 1892 году во введении к английскому изданию своего труда «Развитие социализма от утопии к науке» он писал: «Оригинальное явление: во всех трёх великих восстаниях буржуазии [реформации и

крестьянской войне в Германии XVI века, английской революции XVII века и французской революции XVIII века – С.Р.] боевой армией являются крестьяне. И именно крестьяне оказываются тем классом, который после завоёванной победы неизбежно разоряется в результате экономических последствий этой победы. Сто лет спустя после Кромвеля английское йоменри почти совершенно исчезло. А между тем исключительно благодаря вмешательству этого йоменри и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца и Карл I угодил на эшафот, чего одна буржуазия никогда не смогла бы сделать. Для того, чтобы буржуазия могла получить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, – для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества.

За этим избытком революционной активности с необходимостью последовала неизбежная реакция, зашедшая в свою очередь дальше того пункта, за которым она сама уже не могла продержаться. После ряда колебаний установился наконец новый центр тяжести, который и послужил исходным пунктом для дальнейшего развития.»

Этим наблюдением Энгельса, другими его замечаниями был отмечен подход к одному из важнейших законов революции и целому разделу теории. После Энгельса интерес к данной теме проявляли Роза Люксембург, Ленин, Троцкий. Ленин и Троцкий пытались приложить наблюдение Энгельса к российской действительности, проводили многочисленные параллели между буржуазной революцией XVIII века во Франции и рабочей революцией, начавшейся в 1917 году в России. Для обозначения российской контрреволюции ими использовалось ставшее нарицательным слово «термидор» (27 июля 1794 года, 9 термидора по революционному республиканскому календарю, во Франции произошёл контрреволюционный переворот). Однако, завершить эту работу так и не удалось.

В ветианской традиции неравномерное, посредством приливов и отливов, развитие революции было обобщено в законе волны.

Однако, это название, как и собственно понимание глубинных мотивов колебательных движений общественной системы в эпоху революций (не только буржуазных), пришло значительно позже. Для того, чтобы от наблюдений, констатации фактов и гипотез перейти к историческим обобщениям и, далее, – к познанию на этой основе тех человеческих характеристик, которые обуславливают действие закона, нужен был опыт своей – рабочей – революции.

Поначалу наши пионеры науки лишь подметили прерывистое, с отступлениями, продвижение буржуазного строя. История Преовея-ского архипелага, этого первоначального очага нашего капитализма, свидетельствовала совершенно однозначно: везде, будь то Рамгения или Ялиган, Дриен или Нафрия, Гревия или Стриава, буржуазный строй утверждался в результате ряда попыток, каждая из которых представляла собой колебательное движение. Везде, разумеется, далеко не в одинаковой форме, после революционного прилива, взрыва политического радикализма революционеров и серии с объективной точки зрения преждевременных экономических мероприятий следовал откат, политическая реакция и возврат к прежнему положению вещей. Но возврат нигде и никогда не был полным, откат не доходил до точки старта революции. Революция, делая два или три шага вперёд, отступала на один или два. Капитализм утверждался посредством взлётов и падений, приливов и отливов.

Переходя в атаку и действуя какое-то, кстати, весьма ограниченное, время на значительном удалении от своих позиций, капитализм успевал под прикрытием этой атаки окопаться на новом, несколько выдвинутом рубеже, чтобы несколько десятилетий спустя уже с него перейти в новое наступление.

Капитализм продвигался вперёд подобно набегающей и откатывающейся волне. Каждый новый цикл означал некоторую историческую передвижку всей общественной системы. Таких передвижек, таких

волн требовалось несколько, чаще всего три-четыре (на Земле французская буржуазная революция, считающаяся классической, одолела старый строй в четыре приёма; подъем её волн начинался в 1789, 1830, 1848 и 1871 годах).

За преовеийскими революциями, нашей классикой, процесс капитализации перекинулся на другие архипелаги. Закон волны действовал и в буржуазных революциях второй очереди. Даже в экспортируемых колониальных буржуазных революциях, уже в период завершения капитализации мира, угадывались исключительно специфические приливы и отливы.

Охватив всю Вету, капитализм оказался на пороге своей гибели. Начался глобальный перелом. Первые же его революции показали, что закон волны универсален. Догадки Фрэна подтверждались. Приблизительно тогда же в более глубоких пластах истории, прежде всего на переходе от первобытного к классовому периоду, также были обнаружены, правда, весьма своеобразные, волны.

Теперь настало время разобраться в существе такого порядка становления нового социального качества. Громадное количество накопленных данных подталкивало теоретиков к этой работе. Но, главное, это было необходимо. Рабочие революции, сливающиеся в интернациональный поток глобального перелома, требовали объяснения и использования «волнового феномена». Теоретические основы закона волны разрабатывались Ненли и Бростайном прежде всего в интересах утверждения грядущего коллективистского строя, разрабатывались на опыте первых рабочих революций и применительно к их специфике.

Тогдашним лидерам науки сразу же удалось войти в человеческое измерение теории, связать объективную необходимость революции не только с интересами (классовыми, групповыми, индивидуальными), но и психологией людей.

Впоследствии теория революционных волн, возникшая на стыке

социологии и социальной психологии, сыграла огромную роль в практическом осуществлении революции. Она дала возможность предвидеть в основных чертах ближайшее и более отдалённое будущее, формировать тактику, уклоняться от преждевременных выступлений, организованно отступать и готовиться к новому приливу. Незаметная теоретическая работа, без всякого преувеличения, спасла многие миллионы жизней.

Почему же неизбежны волны?

Потому что революцию делают люди, со всеми присущими им человеческими чертами. Люди, которые увлекаются, надеются на лёгкий и скорый успех, переоценивают свои возможности, верят в светлое будущее, обязательное торжество справедливости и всемогущество своих вождей. Но люди не были бы людьми, если бы, столкнувшись с трудностями, они с той же обязательностью не разочаровывались, не обнаруживали усталость, не впадали в растерянность и уныние, не крушили воздвигнутых ими же идолов.

Далее, поскольку революция есть движение и брожение самых широких масс, отмеченные качества первой и второй групп (периода подъёма и периода отката соответственно) усиливаются. Проявляется «эффект массы», в действие с полной силой вступают законы социальной психологии. Люди, объединённые общественным потрясением и вовлечённые в общий исторический поток, вместе легче возбуждаются, зачастую становятся сплошь революционерами и, уставая и разочаровываясь, так же вместе, столь же решительно и в массовом порядке отворачиваются, отливают от революции.

Наконец, в революции участвуют разные люди, принадлежащие к различным общественным слоям. Одни действуют со знанием дела, целеустремлённо, видят трудности и преодолевают их, другими движет вера, надежда и исторический поток, в котором они оказались, зачастую вопреки своим предреволюционным взглядам и установкам. Первые – меньше, вторых – больше; первые – революционеры, вто-

рые – попутчики; первые – последовательны и остаются революционерами и в период спада революции, из вторых революционность улетучивается без следа, уступая своё место опустошённости, озлобленности, деятельности уже на стороне контрреволюционных сил.

Попутчики (в том числе и в составе революционного класса) – великая сила: без них невозможна революция. Попутчики – страшная сила: они, активно или безучастно, обеспечивают, пользуясь земной терминологией, термидор. Попутчики – переменная сила: удовлетворив свои интересы и разочаровавшись в своих надеждах, они переваливают на другую чашу революционных весов. Попутчики – необходимая сила: их существование и действие обусловлены объективно-классовым строением общества.

Революция не может обойтись без попутчиков, потому что она происходит там и тогда, где и когда налицо общенациональный кризис. Революция затрагивает общество в целом, в той или иной степени, за очень небольшим исключением, активизирует всех его членов. Если бы было иначе, мы имели бы не объективно назревшее общественное явление, а авантюру какой-либо клики.

Разумеется, предреволюционный кризис и начавшаяся революция не переводят автоматически дотоле аполитичные массы только на революционные позиции. Получает пополнение и контрреволюционный лагерь. В рабочей революции по обе стороны общественного разлома оказывается прежде всего мелкая буржуазия. Выведенная из «мирного» состояния, при котором разрывающие её противоположные интересы стабилизированы, уравновешены, а потому – сосуществуют, она разделяется на попутчиков революции и охрану старых порядков. Революция лицом к лицу сталкивается с фашизмом. В какой пропорции происходит размежевание мелкой буржуазии, зависит от особенностей страны и действий революционных сил.

В России в 1917 году потенциал фашизма был ничтожен – широчайшие массы тяготели влево (на Земле левыми называют сторонни-

ков прогрессивных преобразований, революционеров, правыми – консерваторов и реакционеров). В других странах несколько позже буржуазии, опирающейся на фашизм, удалось задушить революции.

Революция включает на полную мощь законы социальной психологии, корректирует политические установки миллионов людей, втаскивает в себя громадные и при этом пёстрые массы и побеждает благодаря попутчикам. Революция поэтому в известном смысле всегда преждевременна. Но «преждевременность» её закономерна. Она обусловлена тем же классовым строением общества. «Своевременная» революция была бы возможна, если бы вся её «армия» состояла из одинаково зрелых, одинаково организованных и одинаково последовательных людей, из класса-монолита. Однако, так не бывает. Классовое общество меньше всего походит на чеканящую шаг роту. Напротив, оно исключительно тонко дифференцировано, особенно в межполюсной (межклассовой) зоне.

По той же причине революция отмечена (наряду с «преждевременностью») и определённой долей стихийности. Ведь в неё втягиваются люди, ещё вчера вообще не задумывающиеся о каких-либо общественных проблемах. Их приводят в революцию инстинкт, смутные стремления, симпатии и социальное тяготение. Для одних революция становится школой борьбы, в которой выковывается их сознание, для других, попутчиков, – очередным зигзагом на жизненном пути. Последние, т.е. стихийный элемент революции, без которого она в принципе невозможна, приносят в объективно прогрессивное движение общества дезорганизацию, злоупотребления, террор.

Таков формирующийся на исключительно многообразном и противоречивом классово-слоевом фундаменте общества человеческий, субъективный фактор революции. Он включает в себя не только последовательно-революционную часть класса, организацию и сознание авангарда, партию, вождей, выдержанные теоретические установки. Наряду со всем этим в него входят попутчики, их психология, дезорганизация, инстинкт, шкурничество, стихия. Второй – необходимый

и переменный – компонент субъективного фактора обеспечивает, соединяясь с первым, прилив революции и её победу, вычитаясь из первого, – отлив и поражение. Вот что вздымает и опускает революционную волну.

Революция не может обойтись без поражения, как волна прибоя, накатываясь на берег, не может не скатиться обратно.

Но революции в отличие от волн не пенятся на одном месте. Побеждая и терпя поражения, вызревая в периоды затишья и вновь разгоняясь для штурма старого мира, они шаг за шагом перемещают громадскую общественную систему по пути прогресса. Напор революции, соединяясь с силой течения истории, заставляет общество продвинуться на большее расстояние, чем то, на которое способна отбросить его действующая против исторического течения сила реакции. Я уже писал, что время прилива революции меньше времени отлива. «Социальное расстояние», преодолеваемое революцией, напротив, превосходит «социальное расстояние», которое может осилить реакция.

Поверженная революция оставляет след не только в памяти людей. Она приносит с собой неуничтожимые до конца изменения в общественных отношениях. В этом состоит историческое значение поверженной, а другой она и не может быть, революции.

Революционеры, пришедшие в 1917 году к власти в России, работали на историю. Не имея завершённой теории революционных волн, располагая только её компонентами, они чувствовали, знали из опыта буржуазных революций, что являются временными руководителями. Они рассчитывали поначалу, самое большее, на несколько месяцев. Их декреты имели более пропагандистское, чем административное значение. Главным было, как вспоминал Троцкий, «оставить как можно более глубокую борозду в памяти народа».

Видная деятельница большевистской партии (большевистской называлась в России революционная марксистская партия) Коллонтай говорила: «...большевики, без сомнения, погибнут, но прежде они

научат людей неизвестным до них словам, новым мыслям, которые никогда не будут забыты. Декреты русского революционного правительства станут для будущего пролетариата тем, чем были для третьего сословия декреты Великой французской революции – маяком, освещающим лучший мир. Проснутся новые надежды, начнутся новые сражения.».

Российская революция подтвердила закон волны. Теоретическая интуиция не подвела вождей революции. Большевики погибли. Погибли физически и как партия. Немногим удалось уцелеть. В общем-то они знали, на что идут. Но никто из них тогда не мог предположить, каким необычным, лицемерным, кровавым будет российский термидор, каким непростым и долгим окажется путь России и мира к новой революционной волне.

5 [ВОСХОДЯЩАЯ ЛИНИЯ РЕВОЛЮЦИИ]

У нас противники революции всегда говорили и, думаю, в большинстве своём были глубоко убеждены, что «авантюристы», победив, сразу же начинают лихорадочно воплощать в жизнь свои «утопические проекты». Земная антиреволюционная историография оказалась в этом вопросе практически копией ветианской. Иногда, увлекаясь книгами не симпатизирующих революции земных авторов, я вдруг ловил себя на мысли, что воспринимаю прочитанное так, как будто речь в них идёт о революциях начала нашего глобального перелома. Такая же инверсия возникала, когда я перечитывал некоторые старинные антиреволюционные ветианские издания (в моем распоряжении — несколько сотен тысяч томов, записанных на сансе-стержнях). Некоторые земные работы можно было отличить от написанных на Вете только по географическим названиям, датировке, именам и терминологии. Ту политику периода подъёма революции, которая у нас известна как «режим военного коллективизма», на Земле называют «военным коммунизмом».

Что касается прогрессивной литературной традиции, в вопросе о самом начале рабочей революции между Землёй и Ветой существует разительное отличие. Здесь до сих пор, если не считать робких голосов отдельных авторов, совершенно научно не освоен тот кратковременный период после захвата власти, который предшествует режиму «военного коллективизма». Об этом периоде подавляющее большинство людей не имеет даже какого бы то ни было представления. Зерна, которые были посеяны в 20-е годы Троцким, Чичериным, Рютиным, другими большевиками, так и остались не проросшими.

Как известно, у нас теория начального периода восходящей линии революции, разработанная ещё Ненли, всегда была довольно широко распространена и успешно противостояла нападкам контрреволюции, упорно стремившейся свести революцию только к разрушению и террору. Эта теория все более основательно подтверждалась с каждым приливом новой революционной волны. Уже давно придя к выводу об универсальности законов общественного развития, я нисколько не удивился, что первая победоносная рабочая революция на Земле совершенно точно легла в теоретические рамки, сконструированные в другом уголке Вселенной.

Центром российской революции стал Петроград, столица страны. Восстание было почти бескровным и обошлось без арестов. Министры свергнутого правительства были отпущены на свободу вскоре после победы. Даже генерал Краснов, пытавшийся вместе с бывшим главой правительства Керенским организовать поход на Петроград и взятый в плен, был освобождён на другой день под честное слово. Слова своего он не сдержал и впоследствии, во время разгоревшейся через несколько месяцев гражданской войны, пролил много крови, воюя против революционной республики то на юге, то на западе.

В первые дни после победы если и случались акты неспровоцированного насилия, вандализма или анархические проявления, они никогда не исходили от рабочих. Пролетариат был организован, деловит и великодушен.

Это было совершенно в духе первых шагов Парижской Коммуны. Хотя Троцкий, когда уже всюю полыхала поддержанная интервенцией многих капиталистических стран гражданская война, считал такое великодушие ошибкой. Я думаю, с ним нельзя согласиться. Насчёт мирного поведения победителей никто не спускал директивы. Оно шло из низов. Ошибиться можно при принятии решения, но нельзя, если поведение определяется характером. Сам же Троцкий обобщал, что «мягкосердечная нерешительность вообще свойственна массам в первую эпоху революции», что «рабочие переходят в

наступление лишь под давлением железной необходимости», а к террору – только под угрозой истребления.

Действительно, и это показали наши революции, рабочий класс по своей природе абсолютно не кровожаден. Он только отвечает террором на террор. На Земле, как и на Вете, в его распоряжении не оказалось других средств. Первое время рабочие-победители вообще опьянены своим новым положением, своей силой и историческими возможностями. Им кажется, что никто и ничто теперь не может повернуть мир к старому. Отрезвление наступает довольно скоро – когда консолидируется контрреволюция.

Что касается вождей российской революции, то их действия в начальный период были так же далеки от того, что характеризует режим «военного коллективизма». В области экономики предпринимались самые осторожные и ограниченные меры. Экспроприация совершенно не распространялась (даже мысли об этом не было) на средних и мелких капиталистов. Под национализацию попадали лишь крупные предприятия, фактически все принадлежавшие иностранному капиталу.

Такая – ограниченная – экспроприация объективно имеет исключительно глубокий смысл.

Социализм является коллективистски (коммунистически) организованным капитализмом. Но поскольку капитализм дифференцирован и представляет собой довольно пёстрый набор экономических укладов, виды и степень его коллективистской (государственной) организации должны быть дифференцированы точно так же. Иначе социалистическая экономика просто не будет эффективно работать. Социализм, как и любой другой строй, должен соответствовать своему времени и уровню развития производительных сил. И форсирование, и отставание в формировании системы социалистической собственности сразу же оборачиваются понижением экономики. Социализм, будучи неполным коммунизмом, ни в коем случае не характеризу-

ется, как считали Сталин и его последователи, «безраздельным господством общественной собственности». Он характеризуется господством рабочего класса при многоукладной, соответствующей уровню развития, экономике.

В разряд государственной собственности при социализме может и должно перейти лишь то, что для этого созрело, что переросло капитализм. Безусловной экспроприации подлежат только монополистические объединения. Однако, и монополии бывают разные. Поэтому внутри образующейся на их основе государственной собственности также необходима своя дифференциация. Разумеется, огосударствление монополий ни в коем случае не должно уничтожать в них капиталистического начала. Синтез капиталистического и коммунистического в этой форме социалистической собственности проявляется во взаимодействии оперативной, по своей сути рыночной самостоятельности и заинтересованности в результатах своего труда, с одной стороны, и плановости и общественной полезности, с другой. Позднее, по окончании «военного коммунизма» большевики, прежде всего Ленин, такое сочетание двух противоположных начал стали называть хозяйственным расчётом.

Ниже в иерархии укладов буржуазного общества стоит крупный частный, но ещё не доросший до монополизации капитал. Что с ним должны делать революционеры? Для экспроприации он ещё не созрел. Он должен войти в разряд государственного капитализма. Здесь пропорция между капиталистическим и коммунистическим началами должна быть сдвинута по сравнению с государственной собственностью в сторону капитализма. На этом уровне больше самостоятельности, и план превращается в государственный заказ. Ещё ниже находятся средний и мелкий частник. На них рабочее государство может воздействовать (влиять, организовывать, планировать их производство) только косвенно: через налоги, кредиты, режу — экономические договоры. На данной ступени пропорция между капитализмом и ком-

мунизмом ещё более перемещается в капиталистическую сторону. Наконец, мелкотоварный уклад может быть привязан к общественному хозяйству (и тем в определённой мере коммунистически организован) только самым опосредованным образом – через содействие развитию кооперации, но лишь потребительской, сбытовой, кредитной. Через систему кооперации намного легче влиять на мелкого производителя. На этом уровне доля планового начала ещё меньше по сравнению с долей частного.

Именно на такой социализм, переходный, организуемый, хозрасчётный сверху донизу, тот, который можно назвать госкапитализмом в широком смысле (на Земле почему-то многие боятся этого слова), выходили с самого начала революции большевики.

Есть закон революции, согласно которому революционеры (если они действительно революционеры) в более или менее нормальных политических условиях выходят на нормальный же социализм, на тот идеальный, взвешенный, о котором я уже говорил. Иного не допускают их сущность, принципы, демократизм. У нас, когда позволяла обстановка, революционеры выходили на «социалистическую норму» со знанием дела, вооружённые теорией первой фазы коллективистского строя. На Земле, в России этот закон проложил себе дорогу в значительной степени благодаря интуиции Ленина и других большевистских лидеров. Вряд ли наши учёные могли предполагать, что закон социалистической нормы способен реализовываться на такой основе. Что ж, законы, видимо, сильнее обстоятельств.

Когда победоносно завершилась гражданская война, и большевики стали переходить от «военного коммунизма» к новой экономической политике (она так и была названа, сокращённо – нэп), они опять с неизбежностью вышли на экономическую норму социализма. Новая экономическая политика состояла прежде всего в нахождении экономически эффективной меры сочетания капиталистического и коммунистического начал.

Нэп был именно возвратом к прежней, исходной политике. Впоследствии, после контрреволюционного переворота это, как и само существование «первоначального нэпа», тщательно затушёвывалось сталинской историографией. Сталину, чтобы поднять теоретические акции собственного «социализма», необходимо было нэп, в котором находил своё воплощение действительный социализм, представить в качестве временной меры.

Родство политики начального периода восходящей линии революции и нэпа несомненно. Оно совершенно явственно понималось участниками событий тех лет. Так, Рютин писал в одной из своих статей: «Для нас новая экономическая политика – продолжение нашей политики 1917 г., а военный коммунизм, в основном оправдавший себя своими победами, – необходимая стратегия в обострённой гражданской войне...». Чичерин, имея в виду внешнеэкономический аспект нэпа, говорил при его введении, что «основы нашей нынешней экономической политики были заложены с первого года нашего существования. Теперь мы вновь к ним возвращаемся, мы возвращаемся, если можно так сказать, к «печке», поскольку мы всегда отдавали предпочтение этому принципу экономических отношений.».

Вот свидетельство Бухарина: «В России мы начали не с «военного коммунизма», а с так называемого нэпа. Затем подспела интервенция, колоссальное обострение классовой борьбы, принявшей форму гражданской войны, – возник «военный коммунизм». А дальше последовал возврат к нэпу. Ленин на эти темы писал, и эти проблемы, думаю, для всех товарищей ясны.».

Разумеется, такие вещи не включали в учебники. Имена многих свидетелей были вычеркнуты из истории.

«Первоначальный нэп» входил в свои права в противоречивой политической обстановке. С одной стороны, импульс, рождённый Октябрьской победой в Петрограде, исключительно быстро распространился по России – новая власть, не встречая сколько-нибудь серьёзного сопротивления, в течение нескольких недель была установлена

на всей огромной территории страны. С другой стороны, Россия являлась единственной революционной страной, продолжалась мировая война, из которой надо было ещё искать выход, старая армия распалась, новая не была создана. Внутренние политические успехи находились в явном диссонансе с положением страны в мире.

Мировой революционный кризис, непосредственно выросший из всемирной бойни, дал мощнейший, но пока единственный выброс. Победившая революция оказывалась один на один с могущественной и враждебной ей силой. Существование истощённой войной, окружённой врагами, неразвитой России висело на волоске. Я уже писал, что лидеры революции надеялись в лучшем случае на немногие месяцы пребывания у власти. Говоря так, они имели в виду не только и не столько потенции внутренней контрреволюции. Внутреннее и внешнее, и это совершенно справедливо, представлялись им единым целым.

При таком положении даже чисто эмоционально понятна ставка на революцию в других странах. Но все дело в том, и это главное, что расчёт на интернациональный размах революции имел под собой и объективные основания. Ещё продвигаясь к Октябрьской революции, большевики не уставали повторять, что рассматривают себя как один из отрядов мирового пролетариата, а революцию в России – как одну из революций в составе глобального коммунистического переустройства общества. С точки зрения развития мира, это, несомненно, верно. Ближайшие события показали, что расчёт на революционный подъем в других странах не был утопией. Острейшая революционная борьба разгорелась в Венгрии, Австрии, Словакии, Болгарии, Сербии, Германии, Финляндии. Создавались военно-революционные комитеты, советы, кое-где на короткое время пролетариат приходил к власти.

Но в целом большевики переоценили революционные возможности мира того времени. Нам легко об этом судить сейчас, задним числом. Мы занимаемся наукой, они занимались политикой и вели

борьбу. Телеграф ежедневно приносил известия о новых революционных боях и одержанных в них победах. Наши революционеры тоже попадали под власть эмоций.

Эмоциональный перегрев является чертой любой революции на восходящей линии. Он вырастает из упоения победой и первыми успехами, из ощущения свободы и чувства творчества нового. Энтузиазм передаётся от расправивших плечи масс профессиональным революционерам, искушённым вождям, опытным теоретикам. Ленина и Троцкого, хотя они и старались трезво смотреть на вещи, не миновала чаша сия. Почему бы искре, брошенной Россией, не воспламенить мир?! Почему бы (эти мысли приходили в годы «военного коммунизма») не идти прямой дорогой к всецело плановому хозяйству и распределению вместо торговли?! Жизнь, конечно, всё поставила на свои места. В 1920-21 гг. руководители революции отказываются от своих увлечений. Но это в то же время является и симптомом начинающегося уже отката.

Увлечение, энтузиазм, упоение победой представляли собой лишь один – эмоциональный – корень переоценки революционных потенций мира (и страны). Другим её истоком, как, впрочем, и у нас, было давление мелкобуржуазной скоропалительности попутчиков, ставших на этапе подъёма самыми крайними революционерами. Наконец, переоценка, скорее всего, была бы менее значительной, если бы ко времени начала глобального перелома удалось сформировать его теорию. Вожди революции питали надежду на революции «в нескольких главных капиталистических странах». Однако, теоретически несомненно, что в эксплуатирующих странах, а таковыми были Франция, Англия, США, ни в коем случае не происходят первоочередные рабочие революции.

В такой непростой обстановке Россия выходила на «социалистическую норму». Вопрос «быть или не быть?» оттеснял на второй план задачи созидания. Брестский мир (3 марта 1918 г.), отведя

на какое-то время в буквальном смысле слова гибельную для революции опасность войны, позволил ввести эти задачи в практическую плоскость. Акценты несколько смещались. Теперь наряду со ставкой на революцию в Западной Европе и политическим лавированием реальную значимость приобретали и меры экономического характера. Капиталистам всех стран предлагаются концессии, начинаются переговоры, к работе привлекаются буржуазные специалисты, Ленин призывает учиться у организаторов трестов и доказывает преимущества госкапитализма.

Находившийся в то время в России член Французской военной миссии (до революции Россия и Франция находились в союзнических отношениях) капитан Садуль писал о «все более отчётливо звучащих призывах к сотрудничеству с капиталистами в реорганизации промышленности», о «повороте вправо», о том, что «революция становится эволюцией».

Однако развернуть «первоначальный нэп» так и не довелось – разгоралась навязанная контрреволюцией гражданская война. Революция продолжалась. Вместе с войной менялась её политика. Страна вынужденно втягивалась в полосу «военного коммунизма» (1918–1921 гг.). Чтобы одолеть в смертельной схватке выступившую во всеоружии мировую буржуазию и собственную реакцию, новый строй должен был сгруппироваться, стать единым целым, принять на время личину антикапитализма.

Для характеристики сущности «военного коммунизма», как мне представляется, исключительно точно подходят слова... Брестайна: «Задачи революционного правительства сводились в те годы главным образом к тому, чтобы поддержать военную промышленность и использовать оставшиеся от прошлого скудные запасы для войны и спасения от гибели городского населения. Режим «военного коллективизма» был, по существу своему, системой регламентации потребления в осаждённой крепости.».

Брестайн говорил о Перимии. Известно, насколько был схож на

раннем этапе глобального перелома «военный коллективизм» в различных странах Веты. Что касается российского «военного коммунизма», он, насколько я могу судить, ни в чём существенно не отклонился от знакомых нам образцов. Кстати, тоже ведь по своей сути «военно-коллективистские» режимы на восходящей линии самых радикальных ветианских буржуазных революций, да и Великой французской буржуазной революции на Земле, характеризовались теми же чертами «осаждённой крепости».

Когда защитники старых порядков «уличали» наших революционеров в изобретении и применении суровых, террористических «военно-коллективистских» мер, разумеется, забывая при этом о зверствах контрреволюции, блестящий Бростайн ставил их на место примерами из истории буржуазных революций. На Земле подобный приём почему-то практически не использовался. А ведь в Великой французской революции, когда на свете не было ещё и родителей большевиков, революционерами применялись все меры, свойственной борьбе самого высокого накала: ограничение свободы печати, замена обычных норм судопроизводства чрезвычайными, лишение политических прав, обыски и аресты «подозрительных», взятие заложников, насилие в отношении церкви, казни, в том числе членов королевской семьи, ультрареволюционные заявления по вопросам международной политики, наконец, огосударствление экономики (реквизиции, принудительное распределение рабочей силы, полное изъятие урожая, использование на заготовках продовольствия вооружённых отрядов).

Большевиками в России не было изобретено ничего нового. Авторитарные методы революции и сосредоточение в руках государства всех нитей экономической жизни обусловлены самой историей на её крутых поворотах.

Что касается террора, он ни в коей мере не является выражением сущности рабочего класса. Террор представляет собой средство за-

щиты в борьбе со свергнутыми эксплуататорами, стремящимися любой ценой вернуть утраченное. Как показал опыт, самые гнусные террористические приёмы свойственны именно контрреволюции. В открытой борьбе, когда сброшена маска лицемерия, эксплуататоры действием демонстрируют своё, культивируемое тысячелетиями, отношение к «черни». Пролетариат применяет террор, чтобы не быть уничтоженным, применяет, имея на то моральное право эксплуатированного и прогрессивного класса. Он никогда не злоупотреблял террором. Напротив, рабочий класс и его вожди всегда стремились понизить его до уровня необходимой обороны.

Черные страницы в летописи революционной борьбы написаны попутчиками рабочего класса. Тем более в стране, только что вышедшей из мировой бойни с её «военным террором», одичанием и миллионами убитых и искалеченных.

Я уже говорил, что успех революции обеспечивают её мелкобуржуазные попутчики. Они привносят в революцию то, что обусловлено их бытием: неорганизованность, вульгарные представления о «светлом будущем» и путях его достижения, утопизм, непоследовательность, колебания, индивидуализм, наконец, страх. Страх перед эксплуататорами, перед рынком, перед будущим, перед жизнью вообще. Страх, дотоле загнанный глубоко внутрь и выпущенный теперь революцией на свободу, превращается в новых условиях в месть, самоутверждение через унижение поверженных и террор.

Революция не может не принимать форму стихийных выступлений, анархической вольницы, террористических акций, вспышек ненависти, форму движений, которыми руководят направленные на разрушение инстинкты.

«Террористическими излишествами» революции обязаны своим попутчикам. Энгельс писал: «Террор – это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх. Я убеждён, что вина за господство террора в 1793 г. падает исключительно на перепуганных,

выставлявших себя патриотами буржуа, на мелких мещан, напускавших в штаны от страха, и на шайку прохвостов, обдeldывавших свои делишки при терроре».

Говорят, когда Ленин пришёл в себя после покушения на него в сентябре 1918 года, первое, что он сказал, было: «Остановите террор!».

Октябрьская революция была жестокой революцией. Российский «военный коммунизм» стал параллелью нашим ранним «военно-коллективистским» режимам, также выросавшим из войн, и отстаивающим своё существование в странах, охваченных военной блокадой, задыхающихся от голода, заговоров и террористических актов.

Но не террор и высочайший накал борьбы, не огосударствление экономики, не «военный коллективизм», наконец, являются главным на восходящей линии революционной волны. Все это – необходимая, но внешняя, скорее, военная сторона революции.

На восходящем, героическом отрезке революция оставляет неуничтожимый последующей реакцией след. Раскрепощая людей, проделывая первые коллективистские опыты («социалистическая норма») и с неизбежностью забегая в борьбе дальше своих объективных целей, революция создаёт задел будущего, шагом к которому она является.

Я думаю, революция октября 1917 года в полном объёме выполнила это своё закономерное историческое предназначение.

6 [САМОТЕРМИДОР]

Первые признаки социальной усталости появились в конце 1919 – начале 1920 года. Шла гражданская война. Прямой революционной помощи с Запада не было. Рабочий класс размывался, на фронтах погибали его лучшие представители. Экономическое положение ухудшалось. Революционеры делили власть с голодом и нуждой. Ожидания масс не оправдывались. На смену неимоверному напряжению сил, надеждам и иллюзиям заступали упадок духа и разочарование. Назревал обязательный для каждой революции откат.

В революционном лагере повеяло холодком. Ослабленный рабочий класс ещё мог держаться какое-то время. Крестьянство, тянувшее на себе воз «военного коммунизма», все более чувствовало несоответствие средств казавшимся совсем ещё недавно так легко достижимым целям.

Первым из руководителей революции тревожные симптомы заметил Троцкий. Под влиянием настроений крестьянской по своему составу армии (всю гражданскую войну Троцкий практически безвылазно находился на фронтах) и опыта хозяйственной поездки на Урал зимой 1919–1920 гг. он писал в ЦК партии большевиков в феврале 1920 года: «Нынешняя политика уравнительной реквизиции по продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны».

Троцкий предлагал «заменить изъятие излишков известным процентным отчислением – своего рода подоходно-прогрессивный налог

— с таким расчётом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли все же выгоду», и на этой основе — «ввести элемент личной заинтересованности», перейти, «в известных пределах, к товарным формам хозяйственного оборота», «восстановить в той или другой степени внутренний рынок». С этим, по существу нэповским предложением было связано другое, касающееся новой организации промышленности, черновое и робкое, но направленное против предельно централизованной системы главков. Кстати, при введении нэпа, с марта 1921 года, первые шаги также были весьма осторожны.

«Нэповские предложения» 1920 года были отклонены Центральным Комитетом. Троцкому удалось собрать лишь четыре голоса против одиннадцати. Ленин в то время решительно настаивал на сохранении продовольственной развёрстки. В 1924 году Троцкий замечал: «Можно сейчас по-разному оценивать, в какой мере переход к новой экономической политике был целесообразен уже в феврале 1920 г. Я лично не сомневаюсь, что от такого перехода мы были бы в выигрыше.». Ещё пять лет спустя он уже твёрдо считал, что то решение ЦК было ошибочным.

Пока шла война, недуг отката протекал в стёртых формах. Но стоило ей завершиться (да и время работало уже не на революцию), болезнь мгновенно вылезла наружу. Начало 1921 года ознаменовалось крестьянскими восстаниями в Тамбовской губернии, на Украине, Дону, в Сибири. В марте вспыхнул мятеж в Кронштадте.

Под артиллерийскую канонаду, в атмосфере угрожающих настроений в армии X съезд большевистской партии принимает решение о переходе к новой экономической политике.

Теоретически возможны два варианта отката рабочей революции. Откат может быть произведён усилиями контрреволюции. Именно так, после отклонения нэповских начинаний Троцкого, по тамбовско-кронштадтскому пути и пошло развитие. Но, с другой стороны, что мешает революционерам упредить события, организовать откат сво-

ими силами, искусственно выпустить пар реакции? Почему бы не попытаться, если общее направление движения известно?

Я могу только предполагать, основываясь на ветианском опыте, что большевистские лидеры в своих раздумьях и поисках подходили к подобным вопросам. Донэповских свидетельств на этот счёт обнаружить не удалось. В источниках только отложилось, что непосредственно перед введением нэпа, как и в первый его период, было немало разговоров о термидоре. Само это слово было в большом ходу. Вожди революции прекрасно знали французскую и европейскую историю.

Ленин, набрасывая план речи, с которой он выступил на X съезде партии, под первым номером ставит «вопрос о крестьянской (мелкобуржуазной) контрреволюции». Он выделяет: «Такая контрреволюция стоит уже против нас». Что ждёт революцию? «Решит борьба».

После съезда, когда нэп только-только начинает разбегаться, Ленин сопоставляет 1921 год в России и 1794 год во Франции, задумывается над печальным «образцом», данным французской революцией, размышляет об опасностях, исходящих от колеблющейся мелкобуржуазной стихии. Он записывает: «Термидор? Трезво, может быть, да? Будет? Увидим...».

Опасность ещё далеко не устранена. Да и возможно ли её обойти вообще?

Первые оптимистические нотки прозвучали в мае в разговоре Ленина с Садулем: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризовать.». Разумеется, Ленин отдавал российским «рабочим-якобинцам», большевикам то, что принадлежало ему по праву. Как и три года назад, ему пришлось убеждать партию в необходимости крутого поворота. «Экономический Брест» с трудом укладывался в головы людей, революция для которых была тождественна наступлению.

Нэп тем временем начинал набирать силу. Без всякого сомнения,

поворот удался. Спала социальная напряжённость. Прекратилось экономическое падение. Теперь можно было более или менее спокойно осмыслить все это теоретически.

В сентябре 1921 года Ленин обращается с просьбой к работавшему тогда в Центральном архивном управлении Адоратскому: «Не могли бы Вы помочь мне найти следующие 2 вещи:

1) ту статью (или место брошюры? или письмо?) Энгельса, где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться дальше, чем она может осилить, для закрепления менее значительных преобразований?..

2) письмо Энгельса к Вейдемейеру 12.IV.1853. Буду очень благодарен за указания.».

Я уже приводил заинтересовавшее Ленина место из введения Энгельса к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке».

Что касается письма к Вейдемейеру, в нем Энгельс писал: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они преждевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже значительно хуже. Трудно представить себе другую перспективу.».

Ленин, несомненно, нашёл у Энгельса теоретическую поддержку. Да, рабочая революция в России развивалась, как это подметил для буржуазных революций Энгельс, по закону волны. За подъёмом следовала реакция. Российские события 1917-1921 гг. в чём-то перекликались с гипотетическим сценарием, набросанным для Германии второй половины XIX века. Однако, у Энгельса не было самотермидора и «революционной реакции». Большевики же, в значительной мере практически нащупав эту возможность, в нэпе сумели воплотить, точнее, начали воплощать её в жизнь. Правда, самотермидоризовались они не совсем чисто. Организованный откат, откат «сверху» произошёл после Тамбова и Кронштадта и как спешный отклик на грозное предупреждение контрреволюции. Но разве это меняло дело?! В конце концов удалось не только удержать власть и спасти революцию, но и вдохнуть жизнь в угасающую экономику. Все пока складывалось неплохо. Вперёд можно было смотреть с оптимизмом.

Думали ли тогда Ленин и его сподвижники, что история требует только точного исполнения своих законов?

Но даже если бы все «откатные требования» истории им были известны, если бы у них была более или менее завершённая теория революционных волн, они все равно не поступили бы иначе. Ветяианские революционеры, зная наверняка (на основе теоретического анализа и из практики), что полная контрреволюция неизбежна, тем не менее в подобной ситуации никогда не сдавались и не ожидали в бездействии прихода реакции. Напротив, Ненли, Бростайн, Зор, а позже Лео и другие революционеры третьего поколения всегда после «военно-коллективистского» взлёта сами приостанавливали свои революции, практически безупречно выходили на «социалистическую норму» и в течение немногих лет, иногда только месяцев, в сложнейшей международной обстановке, пока не наступала буржуазная реакция, показывали миру, что такое неполный коллективизм (социализм) и что он может дать людям. В противном случае революция не стоила бы ничего, да за неё и не следовало бы браться.

Новой экономической политикой российские революционеры выходили именно на «социалистическую норму».

Сталину и его группировке, взявшим курс на форсированное построение социализма (в их понимании), нэп, а он объективно тождественен действительному социализму, был категорически противопоставлен. Разместив его в вымышленном ими «переходном периоде от капитализма к социализму», они «теоретически» обосновали его ликвидацию. Вместе с тем, дабы уничтоженный нэп (социализм) впредь не возбуждал мысль, от его сущности была бесцеремонно отсечена самая значительная часть. В результате такой хирургии от нэпа остался лишь переход от продразвёрстки к продналогу. Все остальное – как раз самое существенное, долговременное и универсальное – сталинская традиция всегда была склонна рассматривать как необязательный довесок к «временной и переходной к социализму мере». Не думаю, что все эти манипуляции производились вполне осознанно. Сталинская «теория» представляла собой продолжение классовых инстинктов.

На начальной стадии ядром новой экономической политики действительно стал переход от продразвёрстки к продналогу. Это и понятно. Первоочередной задачей тогда было остановить контрреволюцию. Опасность была исключительно велика. Другое дело, что о крестьянской контрреволюции не говорилось во всеуслышание. Готовясь к X съезду партии, Ленин для себя, в плане речи о замене развёрстки продналогом пишет о «крестьянской контрреволюции». И тут же на полях отмечает, что этот вопрос необходимо «в печати сгладить», использовать, к примеру, слова «взаимоотношения пролетариата и крестьянства». На съезде Ленин очень осторожен в выражениях. Дело идёт не только о преодолении, при всей его жизненной важности, нынешнего кризиса революции, но и о её будущем, о сотрудничестве рабочих и крестьян в деле созидания нового строя, о сочетании и мере сочетания противоположных классовых интересов.

Переход от продразвёрстки к продналогу лежал на политической

поверхности. Глубже, на экономическом уровне находились (частные) интересы и инициатива крестьян. Рабочее (социалистическое) государство переходом к продналогу только нейтрализовало крестьянские частнособственнические интересы, сняло с них политический пресс «военного коммунизма». Надо было идти дальше – использовать эти интересы, а если подходить шире, использовать потенции капитализма в деле становления нового строя. Это – задача организации.

При социализме частные интересы не могут замыкаться на себе – он является двойственным, переходным строем. Интересы улавливаются социалистическим государством (а государство олицетворяет коммунистическую, общественную сторону социализма) и направляются в общественное русло. В условиях социализма общественные потребности удовлетворяются посредством реализации частных интересов. На основе этого происходит коммунистическая организация и переработка капитализма, в рамках социалистической стадии осуществляется прогресс, и старое в конечном счёте уступает своё место новому. Агентом организации и переработки капитализма является социалистическое государство.

Нэп не только не исключал, но как раз, наоборот, своим внутренним потенциалом предполагал государственную организацию капитализма. В этом заключалось его созидательное начало. Троцкий верно подметил, что Ленин сперва формулировал «очень осторожные тезисы о переходе к новой экономической политике» (по всей вероятности, он имел в виду тезисы, написанные ещё 8 февраля 1921 года; они были положены в основу проекта решения о замене развёрстки натурналогом, принятого X съездом). Однако, логика развития нэпа почти тотчас же после его введения потребовала перехода от политических вопросов момента к экономическим и в самом широком смысле слова социальным проблемам. Уже через месяц после съезда, углубляя понимание нэпа, Ленин твёрдо настаивает на госкапитализме. В нем, и это единственно возможное и правильное решение, он

находит присущее социализму сочетание противоположностей. Несколько позже, в октябре 1923 года, очень удачно выразится заместитель главы революционного правительства Рыков, когда назовёт Россию «страной государственного капитализма».

А сейчас в работе «О продовольственном налоге», сравнивая кооперацию с другими видами госкапитализма, Ленин пишет: «Кооперация есть тоже вид государственного капитализма, но менее простой, менее отчётливо-очерченный, более запутанный и потому ставящий перед нашей властью на практике большие трудности. Кооперация мелких товаропроизводителей... неизбежно порождает мелкобуржуазные, капиталистические отношения, содействует их развитию, выдвигает на первый план капиталистиков, им даёт наибольшую выгоду... Но «кооперативный» капитализм в отличие от частнохозяйственного капитализма является, при Советской власти, разновидностью государственного капитализма, и, в качестве такового, он нам выгоден и полезен сейчас, — разумеется, в известной мере. Поскольку продналог означает свободу продажи остальных (не взимаемых в виде налога) излишков, постольку нам необходимо приложить усилия, чтобы это развитие капитализма — ибо свобода продажи, свобода торговли есть развитие капитализма — направить в русло кооперативного капитализма. Кооперативный капитализм похож на государственный в том отношении, что облегчает учёт, контроль, надзор, договорные отношения между государством (Советским, в данном случае) и капиталистом.».

Ленин разбирает другие виды госкапитализма, соответствующие иным хозяйственным укладам, в многочисленных работах и выступлениях показывает их полезность в деле «пособничества» новому, доказывает необходимость. Новая экономическая политика преобразуется в «правильную» социальную стратегию, не только в представлениях, но и на практике. Встают новые задачи, начинается поиск политически допустимой и экономически эффективной меры сочетания противоположных начал социализма. У революции ещё есть какое-то

время. Она должна его использовать.

Политика, проводимая с марта 1921 года, в сущности, не является новой. Ленин постоянно ссылается на скромный, более в представлении, чем на практике, задел 1918 года. Я уже писал о «первоначальном нэпе». Теперь, после вынужденного, но закономерного забегания революции, большевики возвращаются к «печке». Политическое положение после замены развёрстки продналогом нормализовалось – сразу начинает действовать закон социалистической нормы.

Идеи использования капитализма, несмотря на революционные увлечения, не были отброшены большевиками и в годы «военного коммунизма». И не только идеи.

В ноябре 1918 года принимается декрет об организации снабжения. Значительная роль в этом декрете отводится кооперации. Ленин разъясняет, что «без сети кооперативных организаций невозможна организация социалистического хозяйства, и до сих пор делалось в этом отношении многое неправильно». Ссылаясь на Маркса и апеллируя к идеалам социализма, он говорит о необходимости использования «мелкобуржуазных групп».

В самый разгар гражданской войны разрабатывается проект концессии на строительство железной дороги протяжённостью в несколько тысяч километров, которая должна была соединить двумя ветками низовье Оби с Петроградом и Мурманском. Проект был принят правительством. Одновременно подтверждалась принципиальная допустимость использования иностранного капитала. Однако, грандиозные планы строительства «Великого северного железнодорожного пути» не были тогда осуществлены.

Я не буду говорить о других идеях и мерах в духе «правильного» социализма. Дело не в их количестве и не в результатах. С социалистическими представлениями руководители революции, прежде всего Ленин, не расставались и в период самой ожесточённой борьбы. Они не имели просвета для их реализации.

И вот, когда победа одержана, наступает мир и представляется возможность перейти к созиданию нового, история ставит на пути революционеров непреодолимую преграду. Победа сожгла все революционное топливо. На смену воодушевлению и порыву приходят разочарование и социальная усталость. Начинается отлив революции.

Реализация идеалов оказывается одновременно и уступкой отходящим от революции попутчикам (и борьбой с ультрареволюционностью в собственных рядах), выход на «социалистическую норму» – самотермидором, наступление социализма (нэпа) – отступлением революции.

Таковы «прихоти» истории. Революции живут (действительно живут, ибо их делают люди) по закону волны.

Победившая в России рабочая революция, взбираясь в гору, спокойно прошествовала через подошву великодушия, преодолела небольшой и пологий склон «первоначального нэпа», с трудом взошла, рискуя сорваться, по почти отвесной стене «военного коммунизма». На вершине была небольшая площадка. Здесь можно было сбросить пыл штурма и перевести дух. Однако, остановиться было и необходимо – площадка обрывалась в бездну. В историческом движении редкая возможность осуществления социализма (в норме) столкнулась с неизбежностью отката. На какое-то время противоречие было разрешено в самотермидоре. Компромисс был найден, но движение-то продолжалось.

Дальше... Впрочем, я уже отмечал, что «социалистическая норма» исключительно редка на практике и скоротечна. Новое продвигается вперёд посредством рывков и отступлений. Нам это известно как из теории, так и из опыта ветианских революций.

7 [ПОЛЗУЧАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ]

Самотермидор (в форме нэпа) был выходом на «социалистическую норму» и попыткой воплощения в жизнь взвешенного, усреднённого, идеального социализма. Однако, жизнь, я уже отмечал это, требует, напротив, отклонений от нормы, приливов и отливов, побед и поражений, требует волнообразного движения вперёд.

С одной стороны, самотермидор был ориентирован в направлении движения, он был уступкой, данью закономерности. С другой стороны, величина его вектора ни в коей мере не могла удовлетворить закономерность отката. В самотермидоре революционеры, несколько продвинув общественную систему по ходу движения (уже на нисходящей линии), объективно тем не менее стремились законсервировать волну и этим, если угодно, обуздать и даже, может быть, обмануть историю. Но волны, состоящие из подвижного материала, не застывают. История никогда не удовлетворяется полумерами. Она всегда требует полной уплаты по своим счетам. За революционным подъёмом всегда наступает очередь реакции.

Теоретический разум и исторический опыт подсказывали, что путь к новому строю представляет собой цепь побед и поражений, революционных войн и периодов относительного затишья, опытов созидания нового и торжества реакции. Но сердцу хотелось другого. А вдруг закон волны допускает исключения? Может быть, участь рабочей революции не предопределена так фатально, как революции буржуазной? Нет. И дело, конечно, не в фатализме. Таков характер реализации процесса человеческой истории. Но революционеры искали брешь в законе волны. Я думаю, первые успехи нэпа обнадеживали Ленина. А

как хотелось Троцкому, до самого конца жизни, чтобы термидор был не более как «тенденцией» или «возможностью»!

Мне кажется, я понимаю их. Только на Земле – в нашем историческом прошлом – можно осознать, как тесно переплетены казалось бы несовместимые друг с другом холодный теоретический расчёт и надежды людей – участников величайшего исторического сдвига. Ведь, бывало, Ненли с Бростайном, а позже Лео, тоже допускали подобные, как их называют в учебниках, ошибки. Да, это были ошибки теоретиков. Но они являлись в то же время поисками и надеждами творцов нового строя. Только спустя многие десятилетия, на новом этапе глобального перелома, когда коллективистский строй был уже совсем близок, оказалось возможным полностью преодолеть этот «революционный иррационализм».

Революция 1917 года в отсталой и находившейся в перекрестье мировых противоречий России была радикальнейшей рабочей революцией.

Из этого следует, во-первых, что, в соответствии с открытым Бростайном законом пропорциональности, размах и величина реакции должны были находиться в соответствии с размахом и глубиной революции. Так и случилось. Реакция, помноженная на отсталость, брала и берет реванш в самых грабительских, бесчеловечных и лицемерных формах.

Во-вторых, в отчаянной классовой борьбе (гражданская война, «военный коммунизм», террор, голод, падение экономики и т.д.) антагонисты оказались практически полностью уничтоженными. Десятки тысяч человек, представлявших цвет рабочего класса, погибли на фронтах. В обстановке хозяйственной разрухи сотни тысяч рабочих были в той или иной степени деклассированы. Российская буржуазия, мягкотелая, неопытная и зависимая от Запада, практически перестала существовать как класс. Капиталисты паразитических стран после изнурительной мировой войны, бесславно провалившейся ин-

тервенции и из-за проблем в своих собственных странах не представляли на какое-то время термидорианской угрозы для России. Все это означало, с одной стороны, что место крупной буржуазии в термидоре оказалось вакантным. Но как говорят в России, свято место пусто не бывает. Объективно необходимую откатную работу должна была начать мелкая буржуазия. И она (мелкая буржуазия) в крестьянской стране могла это сделать. С другой стороны, истощением рабочего класса (Ленин говорил о тончайшем слое, на котором держится революция) термидор был облегчён.

В-третьих, поскольку откат начинался усилиями «класса-заместителя» (я опираюсь на законы социального замещения, открытые Рини), термидор (в широком смысле, как полное завершение революционного цикла) обещал быть ступенчатым. Начальный – мелкобуржуазный – его этап должен был характеризоваться типичными для мелкобуржуазных движущих сил контрреволюции и её мелкобуржуазного руководства идеологическими, политическими и экономическими формами. Эти формы, проявившиеся в России в 1923-29 гг., в принципе нам известны. Их дали, правда, на более коротких временных отрезках, эфемерные псевдоколлективистские режимы виши-гаджуловского типа. То, что под мелкобуржуазной оболочкой имело место после 1929 года, не знает аналога в ветианской истории. Но об этом я буду говорить позже.

Вообще, ступенчатый термидор не является чем-то уникальным в истории. Я не буду ссылаться на ветианские примеры – они хорошо известны. На Земле столь же радикальная, как и рабочая Октябрьская, Великая французская буржуазная революция термидоризовалась (в широком смысле) по крайней мере в два приёма: сначала путём буржуазного переворота 27 июля 1794 года (9 термидора), затем (через ряд политических передвижек; они имеют место и в России) посредством реставрации отдающего феодализмом режима Бурбонов (1814; 1815 гг.).

Разумеется, реставрация королевского режима во Франции начала

XIX века не означала полного возврата на предреволюционные классовые и экономические рубежи. Российский термидор (в широком смысле) также не является полным откатом.

Лидеры российской революции предполагали такой порядок отката революции. На X съезде партии Ленин говорил, что восстание в Кронштадте в случае победы неизбежно станет «подножкой, ступенькой, мостиком», по которому явятся белогвардейцы (буржуазные и помещичьи контрреволюционеры).

Троцкий предостерегал (здесь я перехожу к четвёртому следствию радикализма рабочей революции в России): «Кронштадтская форма «Термидора» – военное восстание. Но при известных условиях можно было мирно сползти к Термидору. Если кронштадтцы, партийные и беспартийные, под лозунгом Советов и во имя Советов спускались к буржуазному режиму, то можно сползти на термидорианские позиции даже со знаменем коммунизма в руках. В этом и состоит дьявольская хитрость истории.»

Правда, это уже было более констатацией, чем предостережением. В 1927 году возможность термидорианского сползания становилась реальностью. Контрреволюция наступала в ползучей форме, под красными знамёнами и под треск коммунистической фразеологии. Ползти её заставлял авторитет революции. Позволял ползти – мелкобуржуазный состав термидорианцев.

Новая экономическая политика перекрыла всего лишь военный канал контрреволюции. Большого никакая политика сделать не могла. «Хитрость» истории состояла не столько в использовании контрреволюцией красных знамён, сколько в том, что ими размахивали не беспартийные кронштадтцы или простые матросы, а люди, числившиеся как известные революционеры, заслуженные коммунисты, руководящие партийные работники.

Радек, видный партийный работник и теоретик, писал в том же 1927 году: «Термидорианская опасность в СССР – это опасность победы капитализма не путём низвержения власти рабочих и крестьян

вооружённой интервенцией мировой буржуазии, и не путём восстания капиталистических элементов, а через медленное сползание Соввласти с рельс пролетарской политики на путь мелкобуржуазной. Называя эту опасность перерождения термидорианской, никто не предполагает, что должны повториться те же самые события, которые разыгрались во время французской революции. Сравнение это подчёркивает, что, как во французской революции, силы, остановившие её развитие, вышли из партии якобинской, стоявшей во главе революции, точно так же в партии большевистской, возглавившей октябрьский переворот, могут найтись силы, пытающиеся повернуть колесо истории назад к капитализму.»

Как и Троцкий, Радек более констатировал, чем предполагал. Сейчас, однако, легко делать подобные замечания. Тогда революционеры не считали своё дело проигранным.

«Силы, пытающиеся повернуть колесо истории», нашлись в партии, сделавшей революцию. Как они там оказались? Какие обстоятельства (о «механике» откатного процесса я уже говорил) выдвинули их на политическую авансцену?

Что касается первого вопроса, речь должна идти прежде всего о глубине и размахе революционных преобразований. Октябрьская революция явилась революцией подлинно национальной, народной. Она, будучи рабочей, коллективистской революцией и струёй глобального перелома, в то же время вовлекла в себя колоссальные массы жаждущих мира, земли, свободы, вообще лучшей жизни полупролетарских и непролетарских элементов. Попутчики принесли в революцию свойственные им миропонимание и способы действий.

Уже спустя месяц после Октябрьского переворота Богданов отмечал: «Социалистической рабочей партией была раньше большевистская. Но революция под знаком военщины возложила на неё задачи, глубоко искажившие её природу. Ей пришлось организовать псевдосоциалистические солдатские массы (крестьянство, оторвавшееся от производства и живущее на содержании государства в казарменных

коммунах). Почему именно ей? Кажется, просто потому, что она была партией мира, идеала солдатских масс в данное время. Партия стала рабоче-солдатской. Но что это значит? Существует такой тектологический закон: если система состоит из частей высшей и низшей организованности, то её отношение к среде определяется низшей организованностью. Например, прочность цепи определяется наиболее слабым звеном, скорость эскадры – наиболее тихоходным кораблём, и пр. Позиция партии, составленной из разнородных классовых отрядов, определяется её отсталым крылом. Партия рабоче-солдатская есть объективно просто солдатская. И поразительно, до какой степени преобразовался большевизм в этом смысле. Он усвоил всю логику казармы, все её методы, всю её специфическую культуру и её идеал.»

В общественных системах количественные характеристики частей не так прямо связаны с их ролью, как в системах механических. На восходящей линии революции её непролетарская составляющая в целом контролировалась рабочим авангардом. Пока кривая развития шла вверх, давление попутчиков не было губительным. Напротив, они выполняли, в присущих им формах, необходимую революционную работу. Когда же сила их революционной инерции иссякла, и кривая резко пошла вниз, мелкобуржуазные попутчики всем своим социальным весом обрушились на революционный авангард, обрушились в обществе, государстве, партии.

Дело шло к захвату политической власти.

Власть в обществе непосредственно осуществляется не классом в целом, а от имени класса и объективно в его интересах определённым – наиболее подходящим для этого в сложившейся ситуации – слоем. Несомненно, что из всего набора слоёв послереволюционной (и послевоенной!) мелкой буржуазии наиболее консолидированной, наиболее культурной и, что не менее важно, наиболее способной к демагогии группой являлась «революционная» бюрократия. Только она могла в условиях отката российской революции оказаться у рычагов

власти. Собственно, они уже были у неё в руках. В конце концов, другого претендента на термидорианское политическое руководство просто не существовало.

Бюрократическое термидорианское ядро возглавил Сталин. Это не случайно. Мы знаем из истории, что на такие должности и в такие исторические моменты призываются только посредственные, ограниченные и жестокие люди. Впрочем, не лучше ли в этой связи привести один диалог из «Воспоминаний» Бростайна? Разговор между Бростайном и Снялксом состоялся незадолго до перехода на нелегальное положение обоих революционеров.

– Скажите мне, – спросил Снялкс, – что такое Виши-Гаджул?

Снялкс сам неплохо знал Гаджула. Но он хотел от меня определения его личности и объяснения его успехов. Я задумался.

– Гаджул, – сказал я, – это наиболее выдающаяся посредственность нашей партии. Это определение впервые предстало предо мною во всем своём не только психологическом, но и социальном значении. По лицу Снялкса я сразу увидел, что помог собеседнику прощупать нечто значительное.

– Знаете, – сказал он, – поражаешься тому, как за последний период всюду выпирают наверх какая-то середина, грубость, серость, самодовольная посредственность. И все это находит в Гаджуле своего вождя. Откуда это?

– Это реакция после великого социального и психологического напряжения начального периода революции. Победоносная контрреволюция может иметь своих больших людей. Но первая ступень её нуждается в посредственностях, которые не видят дальше своего носа. Их сила – в их политической слепоте...

Да, посредственность – визитная карточка мелкобуржуазного термидорианца. Мелкая буржуазия, обыватель, мещанин, хозяйчик по сути своей посредственны. Лидеры мелкобуржуазной «середины» не могут быть сколько-нибудь существенно дистанцированы от питающего их субстрата. Бростайн был глубоко прав.

Но он ошибался, надеясь позже увидеть более или менее значительную фигуру буржуазной контрреволюции. Ни в одной стране на Вете за всю историю глобального перелома так и не нашлось «больших людей» от контрреволюции. Другое дело, не было недостатка в отъявленных негодях и террористах. Но разве это значительность? Я убеждён, что не будет «больших людей» и на Земле. В этом пункте буржуазная и рабочая революции решительно расходятся.

Бюрократия выросла как на дрожжах и консолидировалась в период гражданской войны и «военного коммунизма». За три военных года появился целый слой администраторов. Управление и руководство в их понимании сводились к командованию должными беспрекословно выполнять все их требования подчинёнными. С приходом мира бюрократический слой раздулся ещё более. Демобилизованные армейские командиры из седел пересаживались в мягкие кресла, а шашки и наганы меняли на портфели и вечные перья. Беда состояла в том, что большинство «руководящих товарищей» только называло себя коммунистами. Откат революции действовал на них, как проявитель на фотографическую пластинку.

Термидорианцы не могли не использовать и сложившийся в кризисной обстановке и успевший уже изжить себя партийный режим. Сталинская группировка из временной меры обороны, каковой являлось запрещение фракций (в условиях однопартийности) X съездом, всеми правдами и неправдами стремилась сделать чуть ли не норму партийной демократии. О возобновлении деятельности советских партий лучше было не заикаться.

Я уже писал, что Троцкий назвал 1924 год годом великого переворота. Но внутренние термидорианцы выступили в поход годом раньше. Уже в 1923 году они обложили партию и приступили к её уничтожению.

Надо отдать им должное. Объект атаки был выбран верно.

Партия все больше превращалась во вспомогательный аппарат формирующейся диктатуры.

В направленном в октябре 1923 года в Политбюро заявлении 46-ти видных партийных работников говорилось: «...мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и мирян, на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни,... свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло,... секретарская иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии...». В заявлении предлагалось в качестве первого и неотложного шага «созвать совещание членов ЦК с наиболее видными и активными работниками, с тем чтобы список приглашённых включил в себя ряд товарищей, имеющих взгляды на положение, отличное от большинства ЦК».

Совещание, каким оно виделось оппозиционерам, не состоялось. Сталин не собирался упускать инициативы. Откатывалась революция. Термидор набирал силу.

Воспользовавшись смертью Ленина и опасаясь огромной популярности Троцкого, правящая группировка объявила «ленинский набор». В правящую партию хлынул поток тех, кто в самый тяжёлый период революции ничем не проявил себя, держался в стороне, выжидал. Замысел удался. Немногочисленный уже революционный авангард оказался растворённым в разобщённой среде неопытных, пассивных, послушных начальству новичков. Бюрократия освобождалась от остатков контроля пролетарского авангарда.

В дальнейшем, начиная с 1924 года, Сталин организовал несколько чисток партии. Проверенные в борьбе, мыслящие коммунисты лишались партбилетов. Вместо них в партию вовлекались люди, готовые в обмен на материальные блага и возможность карьеры безоговорочно подчиняться и выполнять любые «руководящие указания».

Все чаще к «партийной работе» привлекались карательные органы.

В 1926 году вдова Ленина Крупская говорила в кругу левых оппозиционеров: «Будь Ильич жив, он наверное уже сидел бы в тюрьме».

Все как будто оставалось на своих местах: партия, её руководители (разве что были вышвырнуты некоторые «враги народа»), знамёна, лозунги, слова.

Только Ленин сидел бы в тюрьме.

Паразитируя на высочайшем авторитете революции, термидор вползал в свои права.

8 [ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ]

После введения нэпа вход в контрреволюцию в России оказался исключительно узким и значительно смещённым влево. Классический термидор мог осуществить только капиталистический класс. Но старая буржуазия, кстати, успевшая продемонстрировать лишь политическую недееспособность, вместе со своими партиями была раздавлена в годы «военного коммунизма». Новая буржуазия только ещё формировалась под бдительным надзором государства, у руля которого стоял Ленин. О её политической самоорганизации не могло быть и речи. Свобода торговли выбивала козыри из рук тамбовцев и кронштадтцев. В такой ситуации спектакль в жанре термидорианской драмы должен был сыграть даже не второй, а третий состав актёров откатного театра. Главные роли в термидоре не являлись амплуа таких статистов, как Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ярославский и др. Однако, обстоятельства, точнее, законы истории, заставляли их выйти на сцену. Общественная драма обещала превратиться в трагедию-фарс.

Сталинской контрреволюционной группировке объективно предстояло продвигаться в буржуазном направлении. Но субъективно (идейно, организационно, происхождением) она была связана и с революцией, с теми мощными лево-ориентированными социальными слоями, на которые опиралась (народная и пролетарская) революция и которые не могли запросто выбросить её (революцию) из своего сознания. Отсюда – непоследовательность, лавирование, зигзаги, неопределённость политической линии «революционной» бюрократической верхушки.

Троцкий характеризовал сталинскую группировку как центристскую в идейно-политическом спектре. Он отмечал в 1927 г.: «...вся политика центристской фракции совершается под ударами двух кнута: справа и слева. Классово-беспочвенная, бюрократически-центристская фракция качается между двумя классовыми линиями, систематически сползая при этом с пролетарской линии на мелкобуржуазную. Это сползание происходит не по прямой линии, а в форме резких зигзагов.

Таких зигзагов мы имели в прошлом не мало. Особенно ярким и памятным явилось расширение избирательной инструкции под нажимом кулака (кнут справа). Затем отмена её под нажимом оппозиции (кнут слева). Не мало было зигзагов в области рабочего законодательства, заработной платы, налоговой политики, отношения к частнику и пр. и пр. Общий курс при этом передвигался направо.»

Тогда же Троцкий говорил о политике партийно-государственного руководства: «Эта политика сдвинула за последние годы свой классовый стержень слева направо: от пролетариата – к мелкой буржуазии, от рабочего – к спецу, от рядового партийца – к аппаратчику, от батрака и бедняка – к кулаку, от шанхайского рабочего – к Чан Кайши, от китайского крестьянина – к буржуазному офицерству, от английского пролетария – к Перселю, Хиксу, генсоветчикам и т.д. без конца. В этом самая суть сталинизма... Политическая линия нынешнего руководства определяется не отдельными авантюристическими зигзагами, а той социальной опорой, которую эта линия собрала вокруг себя в борьбе против оппозиции. Через сталинский аппарат, через сталинский режим нажимают на пролетарский авангард укрепившиеся бюрократы, в том числе и бюрократы-рабочие, администраторы, хозяйки, новые собственники, привилегированные интеллигенты города и деревни, – все те элементы, которые начинают показывать кулак пролетариату, приговаривая: «это тебе не 18-й год».

Да, курс передвигался именно вправо. В эту сторону толкала как

логика отката, так и старт контрреволюции в условиях нэпа. Контрреволюция явилась его «продолжением» и «развитием». Из нэпа могла выйти только правая форма сползания. Символом его стал лозунг «Обогащайтесь!». Зигзаги в рамках сползания вправо обуславливались центристским, мелкобуржуазным положением термидорианцев и – в сфере идей – эмпирией их восприятия действительности.

Здесь вы, уважаемые члены Большого Совета, вправе спросить меня: а разве откат возможен в левой форме? Да, оказывается, возможен. Россия уже на первой волне земной коммунистической революции дала то, что ни разу не встречалось за несколько столетий нашего глобального перелома. Весьма вероятно, что и следующий виток революции на Земле будет характеризоваться мелкобуржуазным термидором в левой форме.

У нас в науке прочно укрепились точка зрения, согласно которой мелкая буржуазия вообще не может сколько-нибудь продолжительное время находиться у власти. Все наши псевдоколлективистские режимы (при крайне незначительных левых поползновениях) с ускорением устремлялись вправо и довольно скоро сметались буржуазной контрреволюцией. По сути дела они шли ей навстречу, готовили её и отдавали власть в руки оправившейся после поражения буржуазии. У наших откатчиков-«коллективистов» для перемены курса не было ни времени, ни сил, ни такого глубокого, как на Земле (в России) следа, оставленного революцией в сознании людей. Социальный вес наших контрреволюционных масс на нисходящей линии революций был более значительным, чем в России. Тяготение к буржуазным формам термидора у нас было куда сильнее. Поэтому псевдоколлективистские мелкобуржуазные режимы на Вете были, во-первых, ориентированы только направо и, во-вторых, являлись эфемерными.

Что касается левых зигзагов, то о них даже в серьёзных трудах говорится лишь мимоходом. Революционные знамёна в руках контрреволюционеров рассматривались и до сих пор рассматриваются у нас

скорее как курьёз, нежели как что-то имеющее более глубокие основания. В сущности так оно и есть. Нельзя винить общественную науку за то, что она не просчитала все теоретически мыслимые варианты.

В России мелкобуржуазная контрреволюция сумела круто повернуть влево. В левой форме ей удалось продержаться у власти целых столетия. Почему она должна была и могла это сделать?

О повороте 1928-29 гг. Троцкий писал (1931 г.): «Почувствовав нарастающую враждебность пролетариата и увидев дно термидорианской пропасти, к самому краю которой они сползли, сталинцы отскочили влево. Резкость скачка соответствовала силе паники, вызванной в их рядах последствиями их собственной политики, вскрытыми критикой левой оппозиции. Курс 1928-31 годов, если опять-таки отвлечься от неизбежных колебаний и рецидивов, представляет собой попытку бюрократии приспособиться к пролетариату, не отказываясь, однако, ни от принципиальных основ своей политики, ни, главное, от своего всевластия.»

Не буду оспаривать тезис Троцкого насчёт «нарастающей враждебности пролетариата». Разумеется, пролетарский авангард и находящиеся под его влиянием рабочие массы не могли иначе относиться к пасующей перед капиталистическими элементами бюрократии. Но ведь это – тончайший авангардный слой и пролетариат на нисходящей линии революции. Если они не преградили дорогу термидорианцам в 1923-24 гг., почему они должны были это сделать пятью годами позже? Правилom является революционизация масс только по завершении полного цикла. Далее, что значит «дно термидорианской пропасти»? Если речь идёт об угрызаниях бюрократической совести, то, думаю, в 1931 году вопрос о её полном отсутствии уже прояснился окончательно.

По моему мнению, бюрократия испугалась не столько пролетариата и оппозиции (в дальнейшем ей удалось сравнительно легко рас-

правиться с ними), сколько возникающей в рамках правого курса буржуазии. Впрочем, возможно, изменить курс заставляла не маячившая на политическом горизонте фигура крупного буржуа (за ней стоял мировой капитал), а проза жизни, то положение, при котором бюрократия должна была делить прибавочный продукт с нарождающейся буржуазией. Бюрократия не обязательно должна была сознавать, что распоряжение прибавочным продуктом в этих условиях равнозначно обладанию властью. Но не чувствовать этого она не могла.

Интересы самосохранения заставляли бюрократию круто переложить руль влево, из одной крайности удариться в другую. Бесподобная беспринципность позволяла мелкобуржуазным эмпирикам проделать этот маневр с необыкновенной лёгкостью.

Конечно, не только беспринципность обуславливала возможность левого поворота. Без поддержки рабочих сталинской группировке не удалось бы одержать верх в борьбе с нарождающейся буржуазией. Привлекая рабочих, она стремилась, и небезуспешно, представить свою борьбу за прибавочный продукт и за власть как борьбу пролетариата против капиталистической реставрации. Троцкий и его сторонники предупреждали: «вопрос идёт не только о том, что делается, но и о том, кто делает». Бюрократическая верхушка, в свою очередь, играла на струнах отсталости, использовала ослабление, усталость и разжижение пролетариата после революции и нескольких лет войн. Ее борьба казалась рабочим и многим представителям оппозиции возрождением диктатуры пролетариата и революции.

Изменив курс, правящая бюрократия приспособлялась теперь к социальным основам, заложенным Октябрьской революцией. Троцкий констатировал: «центризм на фундаменте рабочего государства». Правильнее было бы сказать: на костях рабочего государства, но с его авторитетом, знаменем и материальными ресурсами. Левый курс позволял более органично эксплуатировать авторитет Октября, нежели правый.

Отсталость страны, совершившей глубочайшую революцию, брала своё. Голос оппозиции терялся в поднятой сталинской группировкой шумихе по поводу выхода на прямую дорогу «социалистического строительства». С организацией отпора ничего серьёзного не выходило.

Троцкий назвал левый поворот 1928-29 гг. очередным, и притом глубоким, зигзагом. Да, это был зигзаг, но зигзаг настолько значительный, настолько необычный и имевший такие последствия, что он дал по сути дела новую общественную форму. Ту форму, которая обеспечивала мелкой буржуазии, возглавляемой бюрократией, устойчивое и довольно длительное существование (теоретически имеется возможность исключительно долгого существования такого режима), власть и определённый набор материальных благ.

Сталинский, мелкобуржуазный социализм, о котором я писал в третьей части отчёта, внедрялся теперь в жизнь. Его спутниками были удушение свободы, насилие, кровь, смерть.

Мелкобуржуазный термидор победил полностью и надолго. Когда? Сталин сам заявил о победе своей контрреволюции. На языке паразитирующих на идеях прогресса реакционеров это звучало так: «Социализм победил полностью». Во второй половине 30-х годов мелкобуржуазные термидорианцы смогли вздохнуть с облегчением. Исторические обстоятельства позволили им выкарабкаться на плато стабильности. Были уничтожены все враги, сметены все преграды: буржуазия, рабочий класс, его партия, оппозиция, наука, правда, неординарное мышление.

Спустя некоторое время (в конце 50-х годов) формула сталинистов была дополнена. Теперь «социализм победил полностью и окончательно». Нет. Спектакль термидора (в широком смысле) должна была доиграть буржуазия. Об этом его акте, начавшемся в 80-е годы, я буду говорить в следующей части отчёта.

Откат революции – явление объективного свойства. Это не значит, что прогрессивные силы не должны бороться с контрреволюцией.

Должны. И их действия будут тем успешнее, чем глубже ими поняты законы развития общества и революции.

Я уже писал, что Троцкий колебался между неизбежностью и возможностью термидора. Он страстно хотел подхватить падающую революцию, изогнуть траекторию её движения, вновь пустить революцию по восходящей линии. Эти колебания и иллюзии нашли своё отражение в отношении антисталинской оппозиции к режиму мелкобуржуазных термидорианцев.

Исключённый из ЦК, а затем и из партии, травимый сталинским аппаратом, пропагандой и ГПУ Троцкий не теряет надежды исправить положение реформистским путём. В ноябре 1927 года (ещё до левого поворота) он заявляет, что оппозиция «твёрдо рассчитывает выпрямить линию партии и рабочего государства внутренними средствами партии и рабочего класса – без революционных потрясений». Левый поворот глава оппозиции расценивает и как «возможность развития нынешнего зигзага в направлении последовательного пролетарского курса». Из ссылки он пишет, что необходимо все сделать для того, чтобы «нынешний зигзаг развернулся в серьёзный поворот на ленинскую дорогу». Троцкий стоит на пути реформ в 1929, 1930, 1931 году.

Только в 1932 году, более исходя из практических, чем из теоретических соображений, он пересматривает свою позицию: «После опыта последних лет было бы ребячеством думать, что сталинскую бюрократию можно снять при помощи партийного или советского съезда. В сущности 12-ый съезд (начало 1923 года) был последним съездом большевистской партии. Следующие съезды были бюрократическими парадами. Сейчас и такие съезды отменены. Для устранения правящей клики не осталось никаких нормальных, «конституционных» путей. Заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда можно только силой.»

Троцкий вступал в противоречие сам с собой. Он продолжал счи-

тать сталинскую диктатуру деформированным рабочим государством. В одной из работ он писал: «Противоречивые процессы в хозяйстве и политике СССР развёртываются на основе диктатуры пролетариата. Характер социального режима определяется прежде всего отношениями собственности. Национализация земли, средств промышленного производства и обмена, при монополии внешней торговли в руках государства, составляет основу общественного строя СССР... Этими отношениями собственности, лежащими в основе классовых отношений, определяется для нас природа Советского Союза, как пролетарского государства». Отнюдь. Пролетарское государство завяло. В результате ползучего контрреволюционного переворота у власти утвердилась мелкая буржуазия. Она не распоряжалась собственностью в интересах и от имени пролетариата, а, подмяв и в конце концов уничтожив пролетариат, безраздельно завладела и государством, и собственностью. Природа государства и политического режима определяется не формальными характеристиками и не со слов бюрократии. Сам же Троцкий говорил: «...кто в политике судит по названиям и этикеткам, а не по социальным фактам, тот пропал». Троцкий, несомненно, был пламенным пролетарским революционером. Но в своём горении, в ненависти к Сталину он зачастую увлекался, абсолютизировал формальную сторону, видел «живую силу пролетариата» там, где её уже давно не было. Троцкий был лев. Таким его делали десятилетия непрерывной, изнуряющей и все никак не приводящей к решительной победе борьбы с контрреволюцией.

Одновременно с Троцким и используя те же слова Рютин пишет в своей платформе «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» (1932 г.): «Было бы непростительным ребячеством тешить себя иллюзиями, что эта клика, обманом и клеветой узурпировавшая права партии и рабочего класса, может их отдать добровольно обратно. Это тем более невозможно, что Сталин прекрасно понимает, что партия и рабочий класс не могут простить ему ужасающих преступлений перед пролетарской революцией и социализмом. При таком положении вещей у

партии остаётся два выбора: или и дальше безропотно выносить издевательства над ленинизмом, террор и спокойно ожидать окончательной гибели пролетарской диктатуры, или силою устранить эту клику и спасти дело коммунизма.».

Усиливается террор – все более резкими становятся суждения и заявления Троцкого. Наконец, в апреле 1940 года он напрямую обращается к рабочим СССР (но к этому времени класс рабочих уже размыт и дезорганизован) с призывом «создавать в сталинском подполье тесно спаянные и надёжные революционные кружки», устанавливать «связи между этими кружками» и с «революционными единомышленниками в буржуазных странах», создавать новую партию, готовить «восстание рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов».

Письмо к советским рабочим заканчивалось словами: «Долой Каина Сталина и его камарилью! Долой хищную бюрократию! Да здравствует СССР, крепость трудящихся! Да здравствует мировая социалистическая революция!».

Через четыре месяца Троцкий был убит сталинским агентом.

Теперь действительно «социализм» победил полностью.

Что же принесла стране эта победа?

Насилие над историей всегда оборачивается насилием над людьми. Этот закон в годы насаждения «социализма» был подтверждён страданиями и кровью неисчислимых масс людей. Если в 1928 году в лагерях содержалось всего 30 тыс. заключённых, то к концу 30-х их численность подскочила до 5-10 млн. (более точных данных нет до сих пор). Всего за годы сталинского правления тюрьмы, лагеря, другого рода репрессии (например, насильственные депортации) искалечили судьбы десятков миллионов человек. Миллионы из них погибли.

Особенно тяжёлые бедствия обрушились на деревню. Экспроприация сельского населения, сгон крестьян с помощью террора в кол-

лективные хозяйства (колхозы) и превращение их по сути дела в полурбочих-полурабов (в официальной пропаганде это именовалось «поворотом к социализму бедняцко-середняцких масс деревни» и «массовой коллективизацией») в корне подорвали сельское хозяйство. Существенно понизились производительность труда и качество работы, сократились посевные площади и поголовье скота, упал урожай. По стране прокатилась волна крестьянских восстаний. Порой ими руководили члены партии. Рютин пишет о пятистах крупных (с тысячами участников в каждом) выступлениях только весной 1930 года. На состоявшемся в июне-июле того же года XVI съезде партии («съезде развёрнутого наступления социализма по всему фронту») Сталин не обмолвился об этом ни единым словом.

Самым страшным следствием разрушения сельского хозяйства стал голод, охвативший самые хлебные области – Украину, Кубань, Поволжье.

Генерал Орлов, бежавший в 1938 г. от сталинской расправы на Запад, описывает оборотную сторону коллективизации: «Даже те иностранные журналисты, что обычно одобряли сталинскую политику, оценивали количество жертв голода в пять-семь миллионов человек. Согласно подсчётам ОГПУ [Орлов служил именно в этом ведомстве – С.Р.] в докладе, предназначенном для Сталина, число умерших голодной смертью составляло 3,3-3,5 миллиона. Причиной этого страшного мора были не какие-то природные стихии, неподвластные человеку, а безумие и произвол диктатора, неспособного предвидеть последствия своих действий и равнодушного к страданиям народа. Пресса Запада справедливо окрестила это бедствие «организованным голодом».

По стране бродили сотни тысяч бездомных детей и подростков, чьи родители умерли с голоду, были расстреляны или сосланы. Уделом детей стали попрошайничество и воровство. Для контроля за перемещением взрослого населения была срочно введена паспортная система. Возникла сеть так называемых закрытых распределителей,

снабжавших сталинскую бюрократию продовольствием и другими товарами в условиях всеобщего разорения и голода. Эти распределители ещё больше увеличили ненависть народа к правящей клике и поддерживавшему её слою. Привилегированные лица могли купить здесь за тот же самый советский рубль в 20-30 раз больше, чем рядовой гражданин в обычном магазине».

Несмотря на рост производительности труда, существенно понижился уровень жизни городского населения, прежде всего рабочих. С 1928 по 1936 год, по данным западного исследователя Клиффа, производительность труда увеличилась более чем втрое, реальная заработная плата, напротив, уменьшилась в два раза. Не случайно с 1928 г. власти прекратили опубликование индексов реальной заработной платы и прожиточного минимума. Значительная часть заработной платы экспроприировалась посредством займов, налогов, членских взносов, невыплаты пособий, инфляции. Ухудшились жилищные условия городского населения. В 1927-28 гг. на одного горожанина приходилось 6,1 кв.м. жилья, в 1939 – только 4,0 кв.м.

Сталинский социализм «победил по всему фронту».

Он полностью подавил активность и творчество масс, умертвил марксистскую партию, вынудил общественную мысль перейти на нелегальное положение. На место активности и творчества пришли затравленность и заорганизованность, партию поглотил бюрократический аппарат, мысль сменили «клейстер, лезть и другие липкие вещества» (Троцкий).

Мелкобуржуазный термидор сполна расквитался с великой революцией.

9 [РЕЖИМ СУРРОГАТНОГО КОММУНИЗМА]

Совершая левый поворот, сталинская группировка опиралась на рабочий класс. Но это уже был не класс 1917 года, активный, напористый, ощущающий стержень истории и устремляющийся за революционным авангардом. Войны, потери, вливания, неоправдавшиеся надежды, жестокие поражения европейского пролетариата сделали своё дело. Болезнь отката поразила тело и рассудок рабочего класса, деформировала его чувства, изменила реакции и инстинкты. Рабочий класс стал другим.

Спустя десятилетие после Октябрьской победы рабочие массы, перевешивая авангард класса, потянулись вслед за бюрократией, чтобы «восстановить диктатуру пролетариата» и «построить социализм в одной стране». Передовой класс общества пошёл за контрреволюцией! Что это? Наваждение? Нет. Все было правильно. Класс устал и изменился. Пролетариат как класс, говорил Брестайн, не всегда равен самому себе. Значительная часть ослабленного, разбавленного, деклассированного рабочего класса объективно была заинтересована в сталинском – мелкобуржуазном – социализме. Не представляя себе его очертаний, эта часть инстинктом чувствовала, что может извлечь немалые выгоды из ультралевизны и «коммунизма».

Я уже писал, что сталинский (очищенный от капиталистических черт) социализм мог быть реализован только как коммунизм, но коммунизм в совершенно неготовых для этого исторических и социальных условиях.

В конце 20-х годов, с левым поворотом, «теория» стала претворяться в жизнь. «Коммунизм» требовал бесклассовости, в частности

уничтожения рабочего класса. Курс на полное искоренение буржуазии Сталин взял открыто. Но уничтожая буржуазию, бюрократия наносила смертельный удар и по уже ослабленному и видоизменённому рабочему классу. Дело в том, что рабочий класс существует как класс только вместе со своим антиподом, в единстве и противостоянии с буржуазией. Без буржуазии он перестаёт быть рабочим классом.

Пролетарский социализм предполагает постепенное, по мере вырастания нового уклада, экономически состоятельное вытеснение и изживание капитализма. Социализм состоит не в упразднении, а в использовании рынка. Буржуазия и эксплуатация не уничтожаются; на переходной – социалистической – стадии классы отмирают. Левый мелкобуржуазный социализм, напротив, представляет собой авантюристический прыжок в будущее. Он отрывает общественные отношения от производительных сил, волюнтаристски, следовательно, насильственно устраняет в считанные годы то, что объективно должно отмирать в течение десятилетий и веков.

Ультралевоый поворот был направлен на уничтожение. Удар по буржуазии не мог не быть и ударом по рабочему классу. Руку сталинской бюрократии поддерживала сама жертва. Одни сталинцы ни за что не справились бы с рабочим классом. Но, повторяю, рабочий класс стал другим.

Группировка Сталина расчищала себе дорогу в «светлое будущее», в котором владение прибавочным продуктом и властью в принципе не могло оспариваться (за её неимением) никакой общественно-политической силой. Оставалось лишь доделать дело. Все усилия, в том числе и последователей Сталина, направлялись на «стирание социально-классовых различий». Что было сделано по этой части?

Форсированной индустриализацией и поголовной коллективизацией (лишившей крестьян средств производства, превратившей их по существу в полурабочих времён первоначального капиталистического накопления и поставившей сельское население в полную зависимость от государства) в города, в промышленность был направлен

многомиллионный людской поток. Рабочих становилось все больше – процесс деклассирования не мог остановиться и развивался далее. Такая политика продолжалась последователями Сталина на протяжении многих десятилетий.

Мелочной регламентацией, полным сведением на нет материальной заинтересованности и так называемой уравниловкой (последователи Сталина довели её до совершенства) рядом, на одну доску были поставлены тунеядец и работник, несун (вор на производстве) и изобретатель, эксплуатирующий, паразит (хотя бы отчасти) и эксплуатируемый (косвенно, благодаря государственной политике). Класс всегда неоднороден. В сталинском обществе совокупность рабочих была превращена в однообразную, аморфную массу. На спецовках всех рабочих заблестели одинаковые ярлыки «передовой силы советского общества».

Подачками («теоретически» оформленными под «использование закона стоимости») рабочие, как эксплуатируемые и всецело живущие своим трудом члены общества, были перемещены на положение иных социальных слоёв – учителей, врачей, работников культуры, инженеров, служащих. Эксплуатируемыми стали те слои, труд которых являлся более весомым, как в количественном, так и в качественном отношении (в пересчёте на одного работающего), но которые в силу своего положения, традиций и характера самого труда не были способны на действительно революционные действия. Рабочие превратились в своеобразную аристократию.

Прогрессирующим опошлением теории, вивисекцией культуры (разумеется, без познавательных целей), подавлением с помощью карательных органов всякого инакомыслия, оглушающей пропагандой режим страховал себя от малейших колебаний. Идейное оружие передовых сил было изъято. Его хранение преследовалось жесточайшим образом. Подлинный марксизм ушёл в подполье. Я не говорю о том, что марксистская партия пала первой жертвой контрреволюции. Лицемерно подновлялась лишь её бутафория.

Алкоголем выхолащивались и переводились в иные формы остатки активности. Огромные народные средства посредством продажи зелья изымались на нужды бюрократического государства. Люди оказывались деморализованными и доведёнными до положения животных. Помните, ещё Фрэн подметил, что революционность падает там и тогда, где и когда растёт потребление крепких напитков. Абель был категоричен: «Рабочий, который пьёт, не думает». Рабочий класс был растворен не только в «социально-однородном обществе», но и в алкоголе. Сталинисты сделали пьянство образом жизни десятков миллионов людей.

Общество, пропущенное через классодробильную машину, было остановлено в своём развитии, по некоторым параметрам – отброшено далеко назад (речь идёт не о количественных характеристиках). Снова придать ему способность исторического движения могло только восстановление классового строения. Для этого необходимо было преодолеть все классоликвидирующие моменты (я остановился лишь на основных). Только в условиях более или менее продолжительного капиталистического этапа вновь мог и должен был сформироваться, консолидироваться, набрать силу и революционизироваться рабочий класс. Это значит, что обязательной вехой на пути выхода из состояния консервации должен был стать буржуазный термидор. Но пока оставим эту тему.

Сталину и его последователям не удалось оторваться от земли и взлететь к коммунистическим небесам. Человек не способен преодолеть притяжение истории. Мелкобуржуазные термидорианцы смогли лишь перемешать общественные слои и размазать классовую структуру. Но уничтожить вообще, ликвидировать эксплуатацию (она и даёт классы), материальные интересы, рынок и прочие атрибуты данного периода истории оказалось выше их сил. Все это сохранилось и предстало в замещённом и извращённом виде.

Что касается общественной дифференциации, на одном полюсе разместились партийный бонза и государственный бюрократ, делец

«теневой экономики» и мелкий жулик, несун и принятый по протекции в престижный институт троечник, грузчик, получающий больше хирурга, и заказной писака, пьянчуга-люмпен и заведующий кафедрой «научного коммунизма». На другом полюсе сгрудились эксплуатируемые ими: квалифицированный рабочий и любимый детьми учитель, связанный административными путами талантливый организатор производства и пытливый студент, всего себя отдающий делу врач и изобретатель, энциклопедист-библиотекарь и первоклассный инженер, вынужденный отбывать барщину на овощебазе и в колхозе, учёный, маскирующий георгинами новый сорт картошки, и поэт, не желающий дуть в официальную дуду.

Вот – объективно противостоящие один другому классы сталинского общества.

Но разве несун, неквалифицированный рабочий или студент-посредственность находятся у власти? Нет, они и не должны при ней находиться. Потому что непосредственно власть осуществляет наиболее консолидированный и пригодный для этого слой. Но осуществляет в интересах всего своего класса. Высшая бюрократия, например, подкармливая неквалифицированных рабочих («использование закона стоимости») или культивируя порядок, при котором надо давать взятки и можно воровать на работе, вправе рассчитывать на то, что за этот гарантированный минимум «люди труда», к тому же запуганные и разобщённые, безропотно и бездумно опустят свои бюллетени на очередных «выборах». Бюрократия по завершении этого «праздника демократии» получит очередной мандат на безбедное существование ещё в течение нескольких лет. А дальше... Дальше опять победит «несокрушимый блок коммунистов и беспартийных». Гениальнейшее изобретение Сталина!

Как видим, система несложная. За внешней мишурой без труда прослеживается классовая механика. Интересы столь различных отрядов эксплуататоров и паразитов, как в фокусе, собираются в «обще-

народном государстве». Тоже неплохое изобретение, правда, не сталинстов, а более раннее. Угнетатели всегда прячут своё господство за «власть народа». И всегда государство на поверку оказывается машиной для подавления одной части общества другой.

Классы, о которых я говорю, несомненно, объективно являются таковыми – сталинистское общество не лишено эксплуатации. Это – классы, но классы не разведённые до антагонизмов рабовладельческого, феодального или буржуазного строя (уровень жизни советской бюрократии, её возможности и отрыв от «низов» совершенно несравнимы с аналогичными характеристиками верхнего класса буржуазного общества), весьма своеобразные внутри, со стёртыми идеологиями, беспартийные (у бюрократии есть подобие партии – так называемая номенклатура). Как-никак, «коммунизм».

Эксплуатируемых в таком обществе можно, конечно, назвать пролетариатом, однако, с большой оговоркой и с поправкой на «коммунизм». Не надо объяснять, что такой «пролетариат» не может ни при каких обстоятельствах свергнуть свою «буржуазию».

Построив, точнее, насадив свой «коммунизм», бюрократия внутри страны застраховала своё существование. Была найдена единственно возможная форма длительного пребывания мелкой буржуазии у власти – ультралевая, в определённом смысле бесклассовая (с размытой классовой структурой). Если бы сталинистский Советский Союз откололся от земного шара и утратил всякую связь с земной цивилизацией, режим суррогатного коммунизма мог бы продержаться в течение очень долгого времени. Но СССР остался на Земле, и его строй не являлся действительным коммунизмом. Не только из-за преждевременности и связанного с ней уродства, но ещё и потому, и это, скорее всего, важнее, что коммунизм требует мирового охвата. Поэтому рано или поздно национально-ограниченная суррогатно-коммунистическая диктатура должна была пасть. И вовсе не обязательно вследствие военного нападения.

Таким образом, более или менее стабильно существующий мелкобуржуазный режим может быть только левым. В то же время он не может не быть террористическим. Пока не достигнут коммунистический уровень производства, нормой является классовая общественная структура. Для постоянной её деформации, а это способ существования мелкобуржуазного режима, необходимо насилие, даже сверхнасилие: в политике, идеологии, культуре, науке, в отношениях к внешнему миру. Терроризм является атрибутом суррогатного коммунизма. К тому же террор – присущий мелкой буржуазии вид общественной борьбы.

Против кого он направлен? Против тех, кто не вписывается в режим, консервирующий страну и общество, против способных мыслить, вносить новшества, изменять, против тех, кому чужд конформизм. Напротив, приспособленчество, посредственность, серость поощряемы режимом. Особенно давно это проявилось в искусстве и науке. В середине 30-годов Троцкий заметил, что «несмотря на отдельные исключения, в историю художественного творчества эпоха Термидора войдёт преимущественно, как «эпоха» бездарностей, лауреатов и пролаз». Два десятилетиями позже писатель Гроссман говорил: «Невский и деревянная бревенчатая районная житуха пошли навстречу друг другу, смешались не только в автобусах и квартирах, но и на страницах книг и журналов, в конференц-залах научных институтов.». «Житуха» не только смешалась, но и вытеснила мысль и творческий поиск. Посредственности успели дать не одну генерацию.

Однако, террор в таком обществе имеет и другое измерение. Он необходим не только политически, но ещё и экономически. Он нужен для того, чтобы заставить худо-бедно функционировать досрочно централизованную и предельно монополизированную экономику «коммунистического» общества. Да, такой сорт «коммунизма» экономически (технологически) требует террора.

Мы знаем, как из опыта, так и теоретически, что для существова-

ния коллективистского (коммунистического) общества и эффективного функционирования его экономики необходима единая всепланетная автоматизированная система управления производством (разумеется, и само производство должно быть полностью автоматизированным). Автоматизация является технологической основой коллективизма, его атрибутом.

Если же коммунизм представлен суррогатом, он не может не иметь столь же суррогатной технологической основы. Что может быть суррогатом автоматики? Что может быть суррогатным агентом автоматизации?

Земная история показала в этой роли, и, вероятно, иных заменителей нет, тотальный, централизованный (государственный) террор, подневольный труд, слепое подчинение работника «руководящим указаниям» центра. В такой системе человек превращается в промышленного (медицинского, учительского, даже поэтического и какого угодно ещё) робота, в вещь, в винтик системы, работающей более или менее эффективно («успехи социализма») до тех пор, пока террор в экономике (политика от неё не изолирована) является жесточайшим, то есть по сути дела удовлетворяющим требованиям, предъявляемым к любой настоящей автоматизированной системе.

Многие земные исследователи называют сталинистское общество феодальным социализмом. Действительно, на поверхности террористическая экономика выглядит как некий отголосок далёкого прошлого. Но только на поверхности. Методы могут прийти только из прошлого. Больше им неоткуда взяться. Но дело не в методах, а в том, что с их помощью обслуживается притянутая из будущего, уродливая общественная конструкция. Её характеризует коммунизм с его единой, «монополистической» и централизованной системой хозяйства (где же тут феодализм?). Но коммунизм – преждевременный, а потому суррогатный. В котором объектом управления является не вещь (автомат), а за неимением автомата человек в качестве вещи.

При коммунизме общество распоряжается вещами; при сталинском «коммунизме» правящая группировка (она не только действует от имени общества, а по существу становится обществом) распоряжается людьми, которые превращаются в вещи.

Сталинизм есть попытка насаждения будущего в совершенно неподходящих ещё для этого вещных условиях, попытка подвести предельно объединённые производительные силы под требуемый такого рода объединением, но ещё не обусловленный самим развитием производительных сил централизованный (автоматизированный) способ управления. При этом место автоматизации занимает террор, а место автомата, его рабочего органа – человек, не выведенный ещё ходом исторического развития за пределы производства.

Сталинский социализм представляет собой тотальный обман. Лишь незначительная часть общества не утрачивает способности ориентироваться и чувствует произошедшие и происходящие классовые сдвиги. «Понимающих» – две полярные категории.

Одни анализируют, пытаются сохранить научную марксистскую традицию, борются с контрреволюцией, несмотря ни на какие репрессии, отстаивают правду, часто ценой своей жизни (Троцкий, Рютин, Раскольников, Иоффе...). Другие – руководящая верхушка – чётко сознают, что протипутуют марксизм, что осуществляют власть и ею кровожадно злоупотребляют в своих шкурнических интересах. В коммунизм они верят, только находясь на трибуне.

«Непонимающих», а это подавляющая часть общества, – тоже две категории.

Одних одолевают социальный скептицизм и разочарование. Чувствуя разрыв между словами и реальностью и не имея возможности самостоятельно выработать представления об обществе, в котором они живут, люди замыкаются, превращаются в типичных мещан, бегут от жизни в мир хмельных или телевизионных видений.

Другие не замечают подлога контрреволюционеров и считают чёрное красным, Сталина «Лениным сегодня», умерщвление социализма

его «строительством». Психология маленького человека («наверху лучше нас знают») превращается, по выражению Рютина, в политический идиотизм.

Правящая бюрократия всегда считала задачей первостепенной важности поддержку социалистических иллюзий. Я уже достаточно писал о присвоении контрреволюцией авторитета Октября и размахивании красными знамёнами. Но это – лишь одна сторона дела. С другой стороны, и это касается замороженных «поступательным движением социализма», определённая, весьма значительная часть народа, воспитанная на подачках, уравниловке, безынициативности, отупленная «научным коммунизмом», иначе вообще не способна понимать социализм. Принимать за социализм его мелкобуржуазное выражение и вырождение заставляют социальное положение и ограниченный кругозор таких людей. Они сродни тому слою рабочего класса 20-х годов, который в левом повороте инстинктивно предвкушал для себя определённые выгоды и о котором я писал в начале данной части отчёта.

Утвердив суррогатно-коммунистический строй, бюрократия обезопасила своё существование. В стране отсутствовали силы, способные не только свергнуть, но и потеснить её. Мало того, режим ещё и подпитывался. Его поддерживали именно те массы (и довольно широкие) деформированного на псевдокоммунистический лад общества, которые считали его (общество), во-первых, социалистическим (по Марксу и Ленину), во-вторых, своим. Первое, конечно же, являлось иллюзией, второе – нет. Бюрократия, как я уже показал, находила опору в тех, кто получал не по труду, кто был удовлетворён регулярно выделяемой пайкой, кто, наконец, просто ушёл в себя и плыл по течению. Такая поддержка позволяла правящему слою смотреть в будущее с оптимизмом.

«Коммунизм» обязывал бюрократию наряду с террором и лицемерным восхвалением революции и социализма осуществлять по-

следний, разумеется, в суррогатных формах, на практике. К требованиям «коммунизма» присоединялись авторитет революции и запросы тех слоёв, которые в той или иной мере не являлись бюрократическими сателлитами. Социалистическое под бюрократической диктатурой, таким образом, представляло собой противоречивое единство вымученных элементов и того, что по сути своей является социальным завоеванием.

Ручеёк дозированного и не высокого качества социализма струился не столько благодаря, сколько вопреки природе эксплуатирующей элиты. Но без этого, как бы бюрократии не хотелось, нельзя было обойтись. Бесплатное образование, медицина, клубы, дома культуры, библиотеки, жилье, профсоюзные путёвки входили в комплекс мер её самосохранения.

Кажется парадоксальным, что в условиях суррогатного коммунизма, под жесточайшим террористическим прессом смог сформироваться довольно солидный запас социальных завоеваний. Что ж, если паразитируешь на авторитете революции, надо за это платить, точнее, откупаться.

В будущем этот запас завоеваний, как бы он ни таял на этапе буржуазного термидора, несомненно, облегчит прилив новой революционной волны.

Таков в основных чертах режим суррогатного коммунизма.

Ранее мною было уделено внимание проблеме его старта. Теперь — кратко о финише.

Конец левой мелкобуржуазной диктатуры предопределён уже тогда (хотя, возможно, режиму суждено просуществовать ещё несколько десятилетий), когда она начинает утрачивать такой свой атрибут, как жесточайший террор.

В СССР это произошло после смерти Сталина. Разумеется, кончина диктатора была только поводом либерализации режима. Толчок исходил прежде всего извне. В стране ему сопутствовали факторы

экономического роста. Как это часто бывает, влияние мира (других стран) через войну (в 1939-45 гг. на Земле бушевала вторая мировая война) трансформировалось во внутренние реформы. Их возглавил тогдашний лидер страны Хрущёв. Сталинский террор в его самых зверских формах был упразднён. Но заменить кнут на пряник Хрущёву не удалось. Несмотря на то, что им предпринимались лишь самые робкие попытки, он был отстранён от власти. Правый зигзаг не состоялся. Да он ещё и не назрел тогда в полной мере.

Новым руководителем страны стал Брежнев. При нем кнут больше свистел, чем бил. Но и пряник только показывали. Экономика вступила в период стагнации, затем – спада. Под левой оболочкой шла «правая работа»: коррумпировались партийные и государственные чиновники, во всех порах общества формировались криминальные структуры, несунуны по численности превзошли профсоюзы. На этой основе исподволь происходила перемена общественных настроений. Накапливалось утомление от следования левым курсом. Увеличивался социальный вес недовольных.

Теперь время работало на будущего реформатора из состава правящей элиты (низы, как и прежде, не были способны на самостоятельное выступление).

Развязка пришла в середине 80-х, когда группа Горбачёва (опять поворот возглавил лидер страны) уже не могла не переложить руль вправо. Мелкобуржуазных эмпириков последнего поколения понесло. Недостаточно буржуазного Горбачёва сменил Ельцин. Дорога забирала правее и правее, к открыто буржуазному режиму. Повернуть назад не было никакой, даже теоретической, возможности.

Настало время передавать эстафету термидора последнему участнику, нет, не забега, – отката. Отката революции, растянувшегося на семь десятилетий.

А что же бюрократия? За неё не приходится беспокоиться. Ещё в 1936 г. Троцкий писал, что если бы к власти в СССР пришла буржуа-

зия, «она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов». Троцкий несколько недооценил мелкобуржуазную – беспринципную – бюрократию. Мы увидим и сейчас уже видим её, за небольшим исключением, не среди слуг, а в качестве хозяев.

Один весьма высокопоставленный бюрократ проговорился. Все дело, оказывается, состоит в том, чтобы красный пиджак сменить на «демократический».

Конечно, не забыв при этом переложить деньги.

10 [ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ]

Чем дальше экспедиция находится на Земле, тем чаще я мысленно возвращаюсь в прошлое, тем острее встаёт вопрос: не ошиблись ли мы, избрав стратегию полного невмешательства?

По мере того, как Космос становился сферой нашего существования, контакт все более превращался в насущную необходимость. С выходом за пределы социального качества мы почувствовали некоторое торможение. Учёные подтвердили: только взаимодействие с инопланетным разумом является твёрдой гарантией прогресса. С упорством одержимых мы обшаривали Космос. Мы чуть ли не физически ощущали потребность в общении. Проходили десятилетия, совершенствовалась техника.

И вот, наконец-то! Мы помним эти дни смятения и восторга. Зондирование области, где находится Земля, свидетельствовало о наличии там цивилизации. Вскоре была выделена система звезды, относящейся к тому же классу, что и наш Лейос, затем – планета с кислородно-азотной атмосферой, материками, омываемыми океанами, и узким температурным диапазоном. Именно эта планета продуцировала излучения, свойственные цивилизации первого разряда. Когда овеществлённые на земных орбитах специализированные автоматы приступили к анализу радиосигналов и расшифровке языков, пропали последние сомнения. Более того, мы узнали, что цивилизация Земли находится на стадии глобального перелома. Как раз в это время Риксом был сформулирован принцип необходимого исторического подобию цивилизаций во Вселенной.

События развивались стремительно. Через несколько месяцев высадившаяся на «неперспективной» Каитте Четвертая экспедиция совершенно неожиданно открывает цивилизацию на стадии раннего капитализма. Вскоре приходит сообщение Второй экспедиции: на одной из планет в созвездии Зомани обнаружено первобытное общество.

В такой обстановке начиналась организация нашей экспедиции.

Потянулись будни подготовительной работы. И тут, когда приготовления подходили к концу, пришло страшное известие: не сумев усвоить обрушившийся на неё поток информации и технологии, сгорала в огне жесточайшей войны Каитта.

Экспедицию пришлось отложить. Были изменены Космический устав и наши планы.

Только через пять лет мы расставались с Ветой. После Т-портации мы оказались на земной орбите. Спуск был проведён традиционным способом и остался незамеченным. Катер мы возвратили на орбиту и вместе с кораблём спрятали в совершенно недостижимом для землян уголке их планетной системы. Впрочем, вам это хорошо известно.

Я хочу сказать о другом. После катастрофы на Каитте мы из одной крайности бросились в другую. Собирая информацию на Земле, мы не причинили землянам никакого вреда. Но и никак не проявили себя как дети того же мира. За это время жертвами голода, болезней, войн, преступлений, стихийных бедствий стали десятки миллионов людей. Мне кажется, мы смешиваем контакт и воздействие. Это – разные вещи. Пусть контакт, поскольку земная цивилизация не перешла ещё во второй разряд, исключён. Но воздействие не только не исключено, оно – необходимо. Мир основан на связях, влияниях и взаимодействиях. Они идут тем же путём. Не восстаём ли мы против Природы? Я думаю, ответ на этот вопрос должен стать главным итогом земной экспедиции.

Несравненно легче подводить историко-социологические итоги. Они сводятся к следующему.

Что касается существа исторического пути земного человечества,

могу сказать совершенно определённо, теоретические выкладки Рикса подтверждаются полностью. Содержательная сторона земной истории и истории ветианской характеризуются одними и теми же законами, алгоритмами, принципами, отношениями, этапами. Другое дело, формы или, скажем, темпы протекания исторических процессов. Но мы и не были столь наивны, чтобы в области форм делать ставку на полное подобие или, напротив, на кричащую противоположность. Формальная сторона земной истории, как и следовало ожидать, будучи обусловлена специфическими природными факторами, традициями, психическими и иными характеристиками, не могла не отличаться известным своеобразием. Впрочем, Вета, как и Земля, взятые по отдельности, дают целые букеты исторических, национальных, социокультурных или идеологических форм. Это вполне естественно. Конечно, было и подобие, имелись и совпадения. Однако, как и у нас, формы на Земле не выходили за пределы границ, определяемых содержанием. Если отвлечься от того, что принято считать необязательным и второстепенным, ни Вета, ни Земля не «предложили» по части форм ничего оригинального.

Правда, за одним исключением. Я имею в виду поразительно живучий суррогатно-коммунистический откатный режим в России – стране, оказавшейся (в силу причин, о которых я писал) в эпицентре земного глобального перелома (коммунистической революции).

Многие на Земле склонны считать сталинский период (смешивая при этом сталинизм с социализмом) чуть ли не ошибкой истории. Одни учёные мужи наукообразно рассуждают об аномалиях истории, другие для объяснения «пути России» призывают на помощь фантамы вроде судьбы, рока или наказания. Таков сегодняшний индекс науки.

Разумеется, это не ошибка и не историческая аномалия. История не ошибается – ошибаются люди. Но и они своими «ошибочными» действиями всегда в конечном счёте оказываются обязанными «правилам истории». Аномалии, как давно уже выяснено, появляются (и

не в историческом, а в литературном процессе) тогда, когда отнюдь не у прогрессивных сил возникает нужда «аргументировать» определённую точку зрения. У нас в былые времена этим ярлыком принято было украшать те явления, которые не вписывались в различные надуманные схемы. О насквозь идеальных субстанциях вообще не приходится серьёзно говорить.

Откат любой революции закономерен. Суррогатный коммунизм со всеми его атрибутами (красными знамёнами, террором, большой продолжительностью, крупными дозированным социализма и т.д.), при всей его необычности, даже уникальности (но ведь пока в нашем распоряжении только ветианская и земная общественно-историческая практика), ни в коем случае не выходит за рамки закономерности.

Во-первых, потому, что «путь России» (и мира) объективно-исторически обусловлен и научно объясним. Радикальнейшая революция, втянувшая в себя колоссальные людские массы, жесточайшая борьба, взаимоуничтожение классов-антагонистов, мелкобуржуазный термидор, Сталин, левый поворот, террор, режим суррогатного коммунизма, — все это в конечном счёте было (как наиболее вероятная возможность) запрограммировано местом России в системе вступившего в стадию распада капитализма. Надеюсь, я показал это в своём отчёте.

Во-вторых, суррогатно-коммунистический режим должен был в конце концов привести общество к тому положению, которое всегда устанавливается по завершении революционного цикла. Необходимость и возможность вхождения в стадию буржуазного термидора были заложены как на мировом уровне, так (и вследствие этого) и внутри системы. Об этом речь шла в предыдущей части отчёта. Действительно, результатом заторможенной эволюции «краснознамённой» мелкобуржуазной бюрократической диктатуры явилось установление буржуазного строя.

В настоящее время цикл практически завершён. Мог ли он быть иным? Да, конечно. Начиная с 1917 года Россия не раз оказывалась на

историческом перепутье. Однако, нереализованные возможности всегда представляли собой не более как варианты (формы) в принципе того же самого отката. По части содержания история не выказывает выдумки.

На первую развилку Россия вышла ещё до начала рабочей революции. Случись реакционному генералу Корнилову использовать предоставившийся ему шанс, двоевластие (у нас такое неустойчивое положение предшествовало революциям в некоторых преовейских странах) неминуемо уступило бы место буржуазной олигархии. Ослабленная войной и зависимая от своих влиятельных союзников Россия была бы, без всякого сомнения, отброшена в полуколониальное существование. Альтернативой корниловщине явилась Октябрьская революция.

Военное поражение революции в гражданской войне (вернее, войне мирового капитализма против революционной России) было чревато, кроме этого, ещё и расчленением страны.

После завершения гражданской войны большевики сумели и, главное, успели самотермидоризоваться. Промедление означало – через ряд скоротечных этапов, под лозунгом «Советы без коммунистов!» или в каком-либо ином оформлении – буржуазный термидор. Не надо объяснять, чем он мог стать для вконец истощённой страны. За расплывчатыми намерениями кронштадтцев нетрудно было рассмотреть чёткие линии планов мировой буржуазии. Буржуазный термидор опять не состоялся.

Революционеры в самотермидоре ограничились экономикой. Случайно ли это? Не думаю. Если бы самотермидор был полным (не только экономическим, но и политическим), весьма вероятно, что ситуация довольно быстро стала бы выходить из-под контроля. В условиях нэпа на фоне усталости масс, разочарования и отлива попутчиков неизбежно началась бы политическая консолидация буржуазно-термидорианских сил. Революция отступала – буржуазный термидор

при таком повороте дела не заставил бы себя ждать. Недаром Троцкий, чувствуя такого рода развязку, настаивал в то время на однопартийной системе. На этот раз путь термидору буржуазии был перекрыт ограничениями в области политики.

Но не впущенный в дверь, термидор лез в окно. Революция шла по нисходящей. К власти ползли мелкобуржуазные контрреволюционеры. Несомненно, их продвижению способствовали и политические ограничения. Пожертвовав демократией, революционеры не выиграли партию: вместо выведенных из игры фигур вперёд пошли мелкобуржуазные пешки. Как я уже писал, сталинская группировка, захватив власть, устремилась вправо. Из такой политики выросал лишь буржуазный термидор. И угрожал тем, кто эту политику проводил. Сталинцы круто вывернули руль влево. Теперь дорогу буржуазному термидору преградили мелкобуржуазные откатчики.

Только в 80-е годы, как видим, далеко не с первой попытки, и на это есть свои причины, буржуазный термидор наконец-то добился своего. Закономерность реализовалась в полном объёме. Какое богатство форм (от умозрительных до готовых вот-вот воплотиться в практику) потенциально вмещается, казалось бы, в простую закономерность отката!

Россия оказалась... на своём месте. Да, именно так. Каково это место? Что дальше? Куда сегодня идёт мир?

Буржуазный термидор вступает в свои права. Он не проделал ещё всей положенной ему работы. Однако, совершенно невероятно, что его доразвитие до логического конца будет приостановлено. Процесс необратим. В обществе нет сил, способных воспрепятствовать его завершению.

Новый российский капитализм не будет церемониться с социальными завоеваниями. Они ему ни к чему. Разумеется, красивые слова в защиту «людей труда» по-прежнему будут звучать. Под такие речи запас завоеваний будет стремительно таять без сколько-нибудь силь-

ного сопротивления, в обстановке глухого недовольства и растерянности. В сущности, разграбление запаса уже началось.

Люди потеряют очень многое. Как я уже говорил, сталинская бюрократия не могла существовать без определённой дозы социализма. Благодаря социалистическому в суррогатном коммунизме мелкобуржуазный откат не отбрасывал общество куда-то к исходному пункту революции, а консервировал на значительно более высоком уровне. В этом – его своеобразие. Буржуазный откат (речь сейчас идёт не об экономическом уровне, а о социальных завоеваниях) опустит общество на несколько ступеней вниз.

Однако, потеряв нечто реальное, люди, возможно, сделают не менее ценное приобретение. Созданные в своё время в административном порядке элементы, частички, крупички социализма, будучи вытесненными из сферы бытия, в преобразованном виде могут появиться и, скорее всего, появятся в сфере сознания – как воспоминания («раньше дочь библиотекаря могла поступить в институт»), сравнения («а теперь нет»), раздумья («почему так?»), искания («где выход?»), оценки («что это значит»). Думать всегда полезно. Думать, столкнувшись с трудностями, полезно вдвойне. Этот неприметный потенциал рано или поздно даст себя знать.

Что касается нарождающейся российской буржуазии, сказать о ней что-либо лестное не представляется возможным. Как и положено в первом поколении, она, за мизерным исключением, будет проявлять больше рвения в хапании и приворовывании, чем в конструктивном наращивании капитала. Криминальный опыт значительной её части что-нибудь да значит.

Но не это, не цинизм и не низкий уровень культуры будут определять характер буржуазного класса России. Главной его чертой, если угодно, сущностью будет подчинённое, зависимое от Запада положение. Его следствием станут (опять!) бесхарактерность, прислужничество, политическое ничтожество.

Несомненно, в России формируется капитализм по существу полуколонийального типа, с компрадорской буржуазией. Сейчас насчёт этого не надо даже строить прогнозов. Зависимость России стала уже очевиднейшим фактом. Запад констатирует это, заявляя о полном одобрении «курса реформ». Страна превращается в резервуар дешёвой, и при этом достаточно квалифицированной, рабочей силы, в придаток господствующим над миром стран, с одной стороны, в приёмник низкокачественных, бросовых товаров, – с другой.

Россия выходит на место страны второго, если не третьего, разряда. То, к чему каждый раз вели нереализованные буржуазно-термидорианские ответвления, осуществляется на практике.

Здесь я подхожу к завязке исторического сюжета, которому предстоит разворачиваться, обрастать событиями, конкретизироваться в деталях на протяжении ближайших десятилетий. Это сюжет не только российской истории, но также, и даже в первую очередь, – мировой.

Чем отличается нынешний капитализм от капитализма начала XX века? Да, человек побывал на Луне, развились мощные системы коммуникаций, появились атомная энергетика, электроника, разрослись города, с морского дна добываются полезные ископаемые, европейцы и американцы достигли желанного благополучия... Но все это – внешняя сторона, и притом внешняя сторона только части капиталистического здания. Здание капитализма по-прежнему напряжено. Социальное давление не уменьшается, а, напротив, все более возрастает. По сравнению с началом века центр противоречий сместился из верхней части капиталистической системы в область межполюсных отношений. Разрыв между верхом и низом возрос, по крайней мере, в три раза. За увеличением экономического разрыва между полюсами капиталистической системы стоит не простая и случайная механика, а прогрессирующее порабощение слаборазвитых стран и народов, увеличение нормы эксплуатации. И на своём излёте капитализм остаётся капитализмом. Как и раньше, действует закон относительного обнищания. Никто не отменял тенденцию к обнищанию абсолютному:

ежегодно от голода умирают миллионы людей, в целых группах стран, например, африканских, стабильно, на протяжении десятилетий падает душевое потребление.

Здесь повсеместно принято журить Маркса. Он-де был прав для своего времени. «Тогда действительно обнищание имело место. Но зачем же историческую частность возводить в ранг закона?!» Нет, Маркс не ошибался. Противоречия капитализма (и его законы) с выходом строя из узких национальных рамок, с образованием мирового рынка должны проявляться и проявляются на мировом же уровне. Капитализм давно уже окончательно вышел на мировую арену, а в головы критиков марксизма все никак не уложатся мировые масштабы строя и его поляризованное строение. Как это нам знакомо!

И вот в разогревающийся котёл попадает Россия, попадает на то вакантное место (между полюсами), которое в принципе обуславливает, ибо мир объективно чреват революцией, её старт, точнее, старт её новой волны. Разумеется, это не произойдёт автоматически. Россия (не надо забывать при этом об Украине, Белоруссии, странах Восточной Европы, Прибалтики и Закавказья) должна объективно и в субъективном отношении, что называется, дозреть до предреволюционной кондиции.

По всей вероятности, в течение одного-двух десятилетий Россия будет практически в полном объёме интегрирована в мировую экономическую систему на правах достаточно развитой, но при этом эксплуатируемой и зависимой страны. Вместе с этим и вследствие этого будет складываться и субъективный фактор, соответствующий месту страны.

В России начнётся формирование рабочего класса. Суррогатный коммунизм основывался на «бесклассовости». Капитализм не может существовать без класса, противоположного буржуазии. С развитием капиталистического строя пойдёт собирание рабочего класса, пойдёт трудно, болезненно – потеряны десятилетия и поколения, утрачены традиции, объединительные идеи и ориентиры. Однако, российский

рабочий класс сформируется, разовьётся, приобретёт в конечном счёте все качества, обусловленные его местом в мировом процессе преобразования человечества. Такова объективная историческая потребность.

С развитием рабочего класса, а он, разумеется, не будет копией пролетариата начала века, станет формироваться и стягивающий его обруч, рабочие организации, прежде всего партия и профсоюзы.

После краха сталинизма в России действуют «партии коммунистической ориентации». Однако, они – не более как рудименты сталинского «ордена меченосцев». Пролетарская марксистская партия подразумевает, по крайней мере, три компонента: рабочую социальную основу, научную теорию общественного развития и определённую организационную структуру. Все существующие «коммунистические» формирования преуспели лишь в деле организации. Сталин был крупным специалистом по этой части.

Марксистская партия сложится на пролетарской социальной основе, которую капитализм объективно не может не продуцировать. От природы строя к социальной основе партии ведёт в общем-то прямая дорога причинно-следственной зависимости. Куда сложнее дело обстоит при переходе от социальной основы собственно к партии. Сами партии не образуются. Их создают люди. Но в отличие от других, рабочая партия нуждается не только в своих создателях, но и в идеях, увязанных в стройной и адекватно отражающей действительность теории общественного развития. Идти в будущее без теории не только бессмысленно, но и в буквальном смысле слова смерти подобно. Об этом должны помнить те, кто будет стоять у истоков революционной партии. Платой за «теоретическую беспечность» будет кровь.

Таким образом, современный капиталистический виток развития России, во-первых, выводит её на «революционное место» в системе перезрелого мирового капитализма, во-вторых и вследствие этого, обуславливает зависимый, перенасыщенный противоречиями характер российского капитализма, в-третьих, формирует адекватный типу

капитализма рабочий класс, в-четвертых, готовит необходимые и достаточные предпосылки для создания в стране марксистской партии (далее встанет задача создания международной революционной организации).

Завершается отлив первой волны, а за ней уже слышится рокот второй. В откате, в поражении всегда заложена новая революция. Это – закон истории.

Когда наступит новый 1917 год? Я этого не знаю. Моя задача состоит всего лишь в том, чтобы отделить объективно необходимое от невозможного, а в рамках необходимости – наметить вероятные варианты.

Несомненно, что новая революционная волна захватит в отличие от волны, начавшейся в 1917 году, несравненно большую часть человечества. В революционный поток, не исключено, что лавинообразно, вольётся практически весь зависимый мир, как страны типа России, так и слаборазвитые. Да и борьба ожидается более высокого накала. Почему? Потому что котёл постоянно нагревается, эксплуатация слаборазвитых стран непрерывно возрастает, да и в субъективном отношении они неизмеримо более развиты, чем во время наката первой волны. В результате пролетарский или полупролетарский режим установится в большинстве стран мира.

Так как в революции будет задействована подавляющая часть зависимого человечества, достаточно сильно начнут раскачиваться и верхние этажи капиталистического здания. Вторая волна намного мощнее, чем в 1917 году, ударит по паразитическим странам, возможно, в определённой мере их захватит, но, скорее всего, в какой-то перспективе потребуются новый прилив. Чтобы он был результативен, необходимы субъективные условия революции в этих странах. Это дело более отдалённого будущего. Не касаясь существа вопроса, отмечу только, что логика истории неизбежно сработает в этом направлении. «Механика» формирования субъективного фактора в «верхних» странах станет приобретать зримые очертания уже во время

наката второй революционной волны. Не думаю, что здесь будут большие отличия от соответствующей стадии ветианского глобального перелома.

Почти невероятно, что революция развернётся в мирных условиях: слишком велики будут ставки, слишком сильны противоречия. Революционные, гражданские войны будут перемежаться с цепью интервенций. Как могут развиваться события? Гипотетически мыслимы два основных варианта. Главным их отличием является «спусковой механизм».

Скорее всего, Россия не выпустит из рук революционной инициативы. Её революция, поддержанная революциями в других странах (кроме стран типа России, исключительную роль могут сыграть Китай, Индия, Индонезия, Иран, страны-гиганты Латинской Америки), вызовет ответную реакцию со стороны эксплуатирующей части капиталистической системы. Не исключена интервенция и на предреволюционной стадии.

Но возможно, первоначальным очагом явится самый низ капиталистического мира. В странах, задавленных непомерным бременем долгов, невыносимой эксплуатацией и нуждой, достаточно искры, чтобы прогремел взрыв. Следствие – интервенция, которая не обойдётся без участия зависимой от Запада России. Затяжная война на капиталистической периферии приведёт в действие первый вариант.

XXI век обещает быть бурным. В борьбе нового со старым будут победы и поражения, зигзаги и остановки, увлечения и разочарования, приливы и отливы, жизнь и смерть.

В чем-то история повторится.

Весьма вероятно, что новый 1917 год будет отрепетирован в новом 1905. Причины? На них я уже указал: российский пролетариат сталинской политикой деклассирования был по сути дела уничтожен, были прерваны революционные традиции, поругана теория. Такое не проходит безболезненно.

Победив, революционеры вновь попытаются выйти на «социалистическую норму».

Воодушевление опять уступит место усталости.

Не исключено, что откат второй волны даст уже знакомую нам левую мелкобуржуазную форму – в той или иной мере её условия сохранились.

Но следующий шаг к коллективистскому строю должен быть более размашистым и мощным. У нас с каждым шагом поступь прогресса становилась все увереннее. Думаю, эта закономерность универсальна.

Вторая волна обязательно даст что-то новое. Что именно? Об этом напишет её свидетель и историк.

Наша следующая экспедиция, без всякого сомнения, застанет цивилизацию Земли на второй волне её глобального перелома.